КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД

4

годовщина октябрьской революции

Красный
Петроград
4
годовщина
Октябрьской Революции

9/2

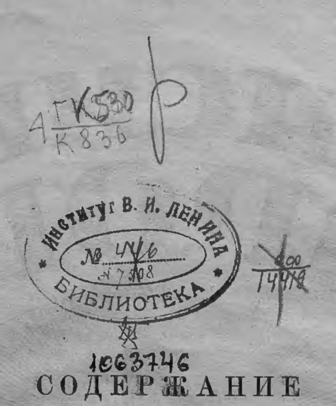
Красный Петроград

4

Годовщина Октябрьской революции

Государственное издательство
Петроград
1921

СОДЕРЖАНИЕ

Рисунок обложки худ. Арнштама. Заставки и концовки худ. Арнштама и Витберга.

р. в. ц. петербург. гиз. № 851. отпеч. 20000 экз.

первая государственная типография. гатчинская, 26.

К ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Наступает четырехлетняя годовщина 25-го октября (7-е ноября).

Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом.

В самых кратких—и, конечно, далеко неполных и неточных—абрисах это значение и этот опыт можно бы изложить следующим образом.

Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

И мы в праве гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем великая французская революция свыше 125 лет тому назад.

И анархисты и мелкобуржуазные демократы (т.-е. меньшевики и эсеры, как русские представители этого международного социального типа) говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно - демократической революции к социалистической (*то-есть* пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердилась за 4 года полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию до *конца*, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся *вперед*, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим. Но и сейчас уже мы видим, что сделано гигантски много—для разоренной, измученной, отсталой страны—в деле социалистического преобразования общества.

Кончим, однако, о буржуазно-демократическом содержании нашей революции. Марксистам должно быть понятно, что это значит. Для пояснения возьмем наглядные примеры.

Буржуазно-демократическое содержание революции, это значит очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма.

Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году? Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Возьмите любую из этих «авгиевых конюшен»,—оставленных, к слову сказать, в изрядной мере всеми передовыми государствами в недочищенном виде при совершении ими их буржуазно-демократических революций 125, 250 и больше (1649 г. в Англии) лет тому

назад,—возьмите любую из этих авгиевых конюшен: вы увидите, что мы их вычистили начисто. За какие-нибудь десять недель, начиная от 25-го октября (7-го ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5-го января 1918 г.), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за *восемь месяцев* своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты), мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры).

Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом—и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда. Мы не оставили камня на камне, кирпича на киприче в вековом здании сословности (самые передовые страны, вроде Англии, Франции, Германии, до сих пор не отделались от следов сословности!). Наиболее глубокие корни сословности, именно: остатки феодализма и крепостничества в землевладении, вырваны нами до конца. «Можно спорить» (достаточно за границей литераторов, кадетов, меньшевиков и эсеров, чтобы заниматься этими спорами) о том, что выйдет «в конце-концов» из земельных преобразований великой Октябрьской революции. Мы не охотники сейчас терять время на эти споры, ибо мы борьбой решаем этот спор и всю массу зависящих от него споров. Но нельзя спорить против факта, что мелко-буржуазные демократы восемь месяцев «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с лица земли русской до конца.

Возьмите религию или бесправие женщины, или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелкобуржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет *ни одной* из самых передовых стран мира, где бы *эти* вопросы были решены *в буржуазно-демократическом* направлении *до конца*. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись и боремся по-настоящему. Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительного пережитка крепостничества и средневековья, подновляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех, без единого изъятия, странах земного шара.

Это все—содержание буржуазно-демократической революции. Полтораста и двести пятьдесят лет тому назад обещали народам передовые вожди этой революции (этих революций, если говорить о каждом национальном виде одного общего типа) освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или «*идеи* религии», «религиозности» вообще), от неравноправия национальностей. Обещали—и не выполнили. Не могли выполнить, ибо помешало «уважение» к «священной частной собственности». В нашей пролетарской революции этого проклятого «уважения» к этому трижды проклятому средневековью и к этой «священной частной собственности» не было.

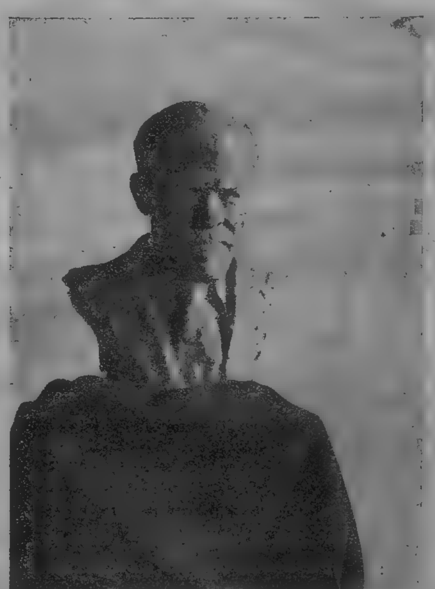
Но, чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования,—говорили и доказали делом мы, — есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической, революции. Кстати сказать, все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональды, Туратти и прочие герои «$2^1/_2$-ного» марксизма не сумели понять *такого* соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического *типа* демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата.

Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за нею мелкобуржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами *нашего* советского строя. Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом, деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства! Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок, за улучшение нашего, весьма и весьма далекого от совершенства, применения к жизни советских принципов. Но мы в праве гордиться, и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн.

Вопрос об империалистских войнах, о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая *неизбежно* порождает новые империалистские войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национального

гнета, грабежа, разбоя, удушения слабых, отсталых, мелких народностей кучкой «передовых держав»,— этот вопрос с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это— вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10-ти миллионов, убитых в войне 1914—1918 годов, с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и по-сейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм), грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов). И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эсеров и меньшевиков, в лице всей мелкобуржуазной, якобы «социалистической» демократии всего мира издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». А этот лозунг оказался единственной *правдой*— неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но *правдой* среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы. Разоблачен мир брестский. Каждый день разоблачает все более беспощадно значение и последствия еще худшего, чем брестский, мира версальского. И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада *иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией.*

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН-УЛЬЯНОВ.

Пусть с бешенством ругают эту революцию буржуазия и пацифисты, генералы и мещане, капиталисты и филистеры, все верующие христиане и все рыцари 2 и $2^1/_2$ Интернационалов. Никакими потоками злобы, клеветы и лжи не замутят они того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся.

Эта первая победа— *еще не окончательная победа*, и она далась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны. Еще бы без неудач и без ошибок удалось одному отсталому народу победить империалистские войны самых могущественных и самых передовых стран земного шара! Мы не боимся признать свои ошибки и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их. Но факт остается фактом: первый раз за сотни и за тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* и выполняется вопреки всем трудностям.

Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетариат какой нации это дело доведет до конца,— вопрос не существенный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана.

Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, «защищайте отечество» японское от американского, американское от японского, французское от английского и т. д.! Продолжайте «отписываться» от вопросов о средствах борьбы против импе-

риалистических войн новыми «базельскими манифестами» (по образцу базельского манифеста 1912 г.), господа рыцари второго и $2^1/_2$ Интернационалов со всеми пацифистскими мещанами и филистерами всего мира! Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала *первую сотню миллионов* людей на земле *первая большевистская революция*. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество.

Последнее,—и самое важное, и самое трудное, и самое недоделанное наше дело: хозяйственное строительство, подведение экономического фундамента для нового, социалистического здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического. В этом самом важном и самом трудном деле у нас было всего больше неудач, всего больше ошибок. Еще бы без неудач и без ошибок начать такое всемирно-новое дело! Но мы его начали. Мы его ведем. Мы исправляем как раз теперь нашей «новой экономической политикой» целый ряд наших ошибок, мы учимся, как строить дальше социалистическое здание в мелко-крестьянской стране без этих ошибок.

Трудности необъятны. Мы привыкли бороться с необъятными трудностями. За что-нибудь прозвали нас враги наши «твердокаменными» и представителями «костоломной политики». Но мы научились также—по крайней мере, до известной степени научились—другому, необходимому в революции искусству—гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывать изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался за данный период времени нецелесообразным, невозможным.

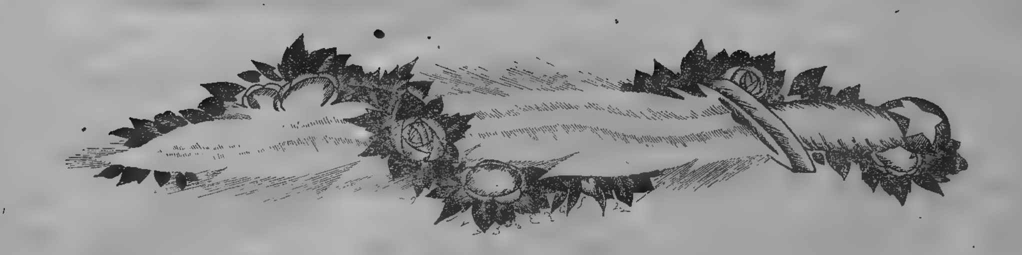
Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали—или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета—непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить*—работой долгого ряда лет подготовить переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелко-крестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции.

И мы, научившиеся немного за три—четыре года резким поворотам (когда требуется резкий поворот), стали усердно, внимательно, усидчиво (хотя все еще недостаточно усердно, недостаточно внимательно, недостаточно усидчиво) учиться новому повороту, «новой экономической политике». Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым «хозяином», исправным *оптовым купцом*,—иначе оно мелко-крестьянскую страну не может экономически поставить на ноги, иного перехода к коммунизму сейчас, в данных условиях, рядом с капиталистическим (пока еще капиталистическим) Западом нет. Оптовый купец, это как будто бы экономический тип, как небо от земли, далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму: личная заинтересованность поднимает производство. Нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало. Оптовая торговля объединяет миллионы мелких крестьян экономически, заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и объединения в самом производстве. Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы имеем уже в этой области некоторые—правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи. Мы уже кончаем, в этой области новой «науки», приготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь «курс», хотя обстоятельства мировой экономики и мировой политики сделали его гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось. Во что бы то ни стало, как бы тяжелы ни были мучения переходного времени, бедствия, голод, разруха, мы духом не упадем и свое дело доведем до победного конца.

Н. Ленин.

14 октября 1921 г.

К СЪЕЗДУ СОВЕТОВ.

Четыре месяца прошло со времени первого съезда Советов. Всего четыре месяца. Поистине: как мало прожито, как много пережито...

Кто не помнит, с каким торжеством наши противники указывали на малочисленность наших сторонников на первом съезде Советов? Маленькая «кучка фанатиков». Какой лес рук подымался против каждого ее принципиального предложения, как «уничтожающе» звучали громы аплодисментов, которыми покрывался тогда каждый выпад против большевиков!

Мы обещали вам тогда, граждане меньшевики и эсеры, что к следующему съезду наш маленький левый сектор возрастет, что мы придем на второй съезд Советов в несравненно большем числе. Мы сдержали свое обещание—вы не станете отрицать этого, граждане.

Больше двух недель заседал первый съезд Советов. И в течение всего этого времени ораторы меньшевиков и эсеров только и делали, что хоронили многожды уже «похороненный» сотнями предыдущих ораторов большевизм. Кто из меньшевиков и эсеров поверил бы тогда, что своими речами и своей политикой они хоронят совсем не большевизм, а—самих себя?...

Переберите главнейшие вопросы, стоявшие перед первым съездом.

Первый вопрос, который подняли большевики на этом съезде, был вопрос о наступлении. Из сообщений фронтовых делегатов, из всей политической обстановки было ясно, что Керенский, действующий под диктовку англо-французского капитала и истинно русских империалистов, готовит наступление. Наша делегация внесла внеочередное заявление, требуя немедленного обсуждения именно этого вопроса. Тщетно указывали мы, что наступление ставит на карту всю судьбу революции, отдает всю власть в стране военной шайке, отодвигает момент заключения мира, наносит удар нарастающей революции в Европе, создает богатейшую почву для контр-революции в России. Тщетно. Нас не хотели слушать. Меньшевики и эсеры благословили наступление. Кто не помнит заседания 19 июня, когда Церетелли, Скобелев и К-о устроили на съезде заказанный английскими капиталистами «патриотический» спектакль по поводу первых успехов начавшегося наступления? Кто не помнит, как рабочих и солдат большевиков обвиняли в измене за то, что они не захотели присоединиться к этой комедии? Кто не помнит, как потирали при этом руки Милюков, Родзянко, Корнилов и К-о?

И что же, где были действительные изменники, господа, кто губил армию, страну и революцию, кто ответственен за сотни тысяч жизней, принесенных в жертву грязнейшим интригам международного капитала?

Вопрос о наступлении предрешил все остальные вопросы. Кто благословил наступление, тот должен был благословить коалицию с кадетами, тот должен был провалить немедленный переход земель к крестьянским комитетам, тот должен был отклонить немедленный роспуск Г. Думы и Г. Совета, тот должен был уклониться от постановки на очередь вопроса о борьбе с контр-революцией, тот должен был финляндские и другие национальные вопросы решить в полукадетском духе, тот должен был обманывать себя и других фальшивыми фразами о том, что сопротивление капиталистов уже почти сломлено (слова Пешехонова), тот должен был пойти на разрыв с авангардом революции—петроградским пролетариатом.

Разрыв меньшевиков и эсеров с питерским пролетариатом произошел 9 июня, когда съезд под диктовку Милюкова и Керенского запретил назначенную нашей партией мирную демонстрацию. Разрыв этот был закреплен 18 июня, когда громадное большинство столичного пролетариата и гарнизона продемонстрировало свою верность нашим лозунгам. И последний штрих был положен на заседании съезда 20 июня, когда съезд встретился лицом к лицу с многочисленной делегацией петроградских рабочих. Кто не помнит постыдных речей, произнесенных лидерами меньшевиков и эсеров в ответ на речи этой делегации? Кто не помнит, как в ответ на каждую речь петроградского рабочего раздавались три речи «министров социалистов»—речи, полные непонимания действительной души революционного рабочего, речи, равнявшиеся полному переходу на сторону буржуазии, речи, от которых, без всякого преувеличения, краска стыда бросалась в лицо?...

Быстро мелькнули после этого отступление, сменившее авантюристское наступление, дни 3—5 июля, позорное предательство рабочих и солдат официальными вождями Ц. И. К., разоружение рабочих руками

Церетелли, расстрелы рабочих и солдат с благословения Ц. И. К., восстановление смертной казни руками Керенского, разгон финляндского сейма руками Чернова и Скобелева, аресты членов земельных комитетов руками Авксентьева, называвшееся Московским Совещание, пляска министерских комбинаций, из которых каждая новая комбинация все больше приближалась к «идеалу» Милюкова и Бьюкенена, позорно провалившаяся попытка создать вокруг большевиков новое дело Дрейфуса, поход против армейских организаций, корниловщина, Демократическое Совещание, окончившееся новым хождением под иго Милюкова, блок с кооператорами, которые теперь демонстративно аплодируют Корнилову, комедиантский предпарламент, разруха, доведенная до крайних пределов, голод, безработица, начинающееся крестьянское восстание, отдача страны в руки Савинковых и Рутенбергов, Филоненок и Некрасовых, Кишкиных и Никитиных, Керенских и Бурцевых.

За все, за все это несете ответственность вы, граждане меньшевики и эсеры. И удивительно не то, что рабочие и солдаты в громадном большинстве отвернулись от вас, удивительно то, что за вами осталось еще хотя бы только то меньшинство, которое, поверьте, неизбежно покинет вас завтра, если вы будете продолжать в том же духе...

* * *

Велика задача, стоящая перед вторым съездом Советов. Часы истории бегут. Бьет двенадцатый час. Малейшее новое промедление грозит уже прямо гибелью. На съезд с надеждой смотрит вся революционная Россия, смотрит весь мировой революционный пролетариат.

Контр-революция подготовилась к последнему решительному бою. Ей нужно во что бы то ни стало сорвать Учредительное Собрание. Война затягивается. Новая зимняя кампания и, значит, полная гибель страны неизбежны, если власть останется в руках буржуазии. Пусть будет сдан Петроград, пусть погибнут новые миллионы солдат, пусть будет раздавлена революция—тем лучше для нас, говорят себе английские и русские империалисты. Хуже не будет. И если боеспособность России упадет до нуля—мир с Вильгельмом за счет России мы успеем заключить и тогда, говорят себе владыки банков и короли биржи.

Во Временном Правительстве и вокруг него происходят вещи, превосходящие все, что могли бы предположить самые яростные противники этого правительства. Из рядов правительства изгнан даже генерал Верховский. Даже меньшевики отзывают своих министров Никитина, Малянтовича и Прокоповича. Для этого нужно было, чтобы этот «орган революции» превратился на глазах у всех в прямое осиное гнездо контр-революции. Кишкины, Савинковы, Брусиловы, Рябушинские—вот кто наши действительные вершители судеб. Загадочная история с разгоном Калужского Совета откроет нам многое, когда тайное станет явным. Предположите самое худшее, что только можно предположить о «нашем» правительстве, и тогда вы будете ближе всего к истине. Вот, что показал опыт последних дней.

Последние надежды на мирный исход кризиса изжиты. Последние мирные надежды, которых—каюсь—до самых последних дней не был чужд и пишущий эти строки, разбиты жизнью. Наши противники в последние дни сделали все возможное, чтоб вытравить эти иллюзии. Наши враги ставят на карту все. Контр-революция действует еще наглее, чем можно было ожидать. «Они» уже перешли в наступление. Это факт.

Меньшевики и эсеры в последнем номере официальных «Известий» угрожают расколоть съезд и, очевидно, уйти со съезда, если он не примет их плана действий, который, насколько можно судить по печати, состоит в полном . . . бездействии.

Что же! Этого только недоставало, чтобы завершить цикл измен и предательств революции. Этого только недоставало, чтоб оказаться в полном и безнадежном плену у Родзянки и Милюкова, а значит у Корнилова. Этого только недоставало, чтобы последние группы солдат и рабочих отошли от эсеров и меньшевиков.

Что делаешь, делай скорее...

Весь фронт ждет от съезда освобождающего слова в вопросе *о войне и мире*. Вся сознательная часть беднейшего крестьянства ждет от съезда избавляющего слова в вопросе о земле. Весь пролетариат, вся подлинно-революционная демократия ждет от съезда решающего слова в вопросе о создании такой власти, которая одна только может обеспечить созыв Учредительного Собрания.

Власть Советам—к этому сводится все в настоящий исторический момент. Это решает и вопрос о мире, и вопрос о земле, и вопрос об Учредительном Собрании.

Съезд не обманет надежд измученной, издерганной, трижды проданной, но все еще могучей революционными возможностями России.

Г. Зиновьев.

ПЕТРОГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ И ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ.

Петроградские рабочие снова переизбирают свой Совет. Невольно возникает потребность оглянуться на пройденный путь, тем более, что перевыборы почти совпадают с четвертой годовщиной Октябрьской революции. Питерский Совет в течение всего времени своего существования, без всякого преувеличения, был плотью от плоти и костью от кости питерских рабочих. Все слабые и все сильные стороны петроградского пролетариата, как в увеличительном стекле, отражались в его Петроградском Совете.

С кинематографической быстротой мелькают перед нашими глазами величайшие исторические события, разыгрывавшиеся в Петрограде.

Февральская революция. В 24 часа из-под земли вырастает Петроградский Совет. Через несколько дней Питерский Совет становится фактически решающей силой. Но петроградские рабочие еще полны в это время мирных иллюзий. Настроение тогдашнего Петроградского Совета отражает розовую, мечтательную политическую наивность тогдашних петроградских рабочих, которые в силу своих тогдашних иллюзий позволили меньшевикам и эсерам поднести Милюкову на блюде власть, завоеванную ценой крови и тяжких страданий русских рабочих.

Апрель 1917 года. Первые широкие уличные манифестации против временного правительства и тем самым также против меньшевиков и эсеров. Не по дням, а по часам растет сознание петроградских рабочих. Петроградский Совет в своем большинстве еще оборонческий, но вера в эсеро-меньшевистскую политику уже поколеблена. У рядовых членов Совета назревает перелом. Петроградский рабочий передовик думает крепкую думушку о том, как вывести страну из империалистской войны, как дать народу подлинную свободу. Раз задумавшись над этими проблемами, он скоро придет к большевизму.

Июль 1917 года. Начинаются муки родов подлинной пролетарской революции. Первые конвульсии назревающего победоносного рабочего восстания. Улицы Петрограда обильно орошаются кровью рабочих и лучшей части моряков и солдат. Петроградский Совет начинает менять свою политическую физиономию. Эсеры и меньшевики начинают праветь не по дням, а по часам,—Петроградский Совет начинает леветь с такой же быстротой. И в то время, когда Керенский и Чхеидзе, во главе сонмища попов, проституток и генералов служат молебны у Исаакия по погибшим в июльские дни казакам-белогвардейцам, в это время в рабочих предместьях Петрограда на всех фабриках и заводах выковывается *новый* Петроградский Совет,—тот Совет, который через короткое время возьмет власть в свои руки.

И дальше темп событий ускоряется еще больше. Август и сентябрь. Наступление Корнилова. Вооружение петроградских рабочих. Петроградский Совет низвергает меньшевистско-эсеровский президиум. Через несколько недель он создает Военно-Революционный Комитет—зародыш нового рабочего правительства.

Октябрьские дни. Петроградский Совет на деле является всероссийской властью. Питерские рабочие переболели эсеро-меньшевистскую оспу и стали тем, чем они должны были стать: застрельщиками и руководителями действительно пролетарской революции.

Поход Керенского и Краснова на Петроград. Образование рабочей красной гвардии. Первые отправки рабочих отрядов на фронты гражданской войны против Краснова, Каледина, против буржуаз-

ной Украинской Рады. Наступление немцев. Занятие ими Пскова. Немецкий аэроплан над Петроградом. Тревожный гудок поздно ночью, взбудораживший все фабрики и заводы Петрограда и собравший в Смольный в течение нескольких часов вожаков всех фабрик и заводов Питера. Эвакуация Совета Народных Комиссаров в Москву. Тяжелый Брестский мир. Выборы нового Совета, в ходе которых погибает от пули эсеровского убийцы Володарский. Попытки эсеров и меньшевиков устроить в Петрограде контр-революционную всеобщую стачку через так называемый Совет Уполномоченных. Убийство Урицкого. Лево-эсеровское восстание. Тяжелые эпидемии, холера. Два наступления Юденича. Кронштадт. И все время—голод, голод, голод. Вот путь, пройденный петроградскими рабочими, которыми в течение всего этого времени руководили шесть созывов Петроградского Совета.

Теперь мы вступаем в новую полосу. Шесть созывов Совета расчищали путь грядущему седьмому созыву Совета, которому суждено, наконец, заняться подлинно хозяйственным строительством.

Мира, хлеба и свободы! Под этими лозунгами совершалась великая Октябрьская революция, под этими лозунгами оформлялся первый большевистский Петроградский Совет.

Мира! Мы завоевали его теперь на деле. Сильная Красная армия обеспечивает нам его длительность. Мы отбили все аттаки всемирных империалистов и внутренней контр-революции. А давно ли на всех перекрестках господа эсеры и меньшевики кричали нам: вы обещали нам мир, вы дали войну; гражданская война никогда не кончится!..

Свободы! Мы дали ее тем, кому Октябрьская революция обещала ее дать. Великая Октябрьская революция не обещала свободы угнетателям народа, она обещала ее только рабочим и крестьянам. По решению авангарда рабочего класса, Советская власть в течение трех слишком лет гражданской войны, требовавшей железной дисциплины, временно ограничивала те или другие свободы. Но пусть нам покажут другую страну во всем мире, где бы рабочие, крестьяне и трудящиеся вообще имели столько прав, столько действительной свободы, как в современной Советской России.

Хлеба! Дать хлеба оказалось труднее всего. Над этой задачей мы и сейчас бьемся, как рыба об лед. Выполнить ее призвана Советская власть теперь для всей России, и новый Петроградский Совет для Петрограда. И мы ее выполним.

Что нужно было сделать для того, чтобы дать стране мир?

Для этого нужно было создать Красную армию и хорошо воевать против белых.

Что нужно было для того, чтобы дать трудящимся подлинную свободу?

Для этого нужно было отнять ее у угнетателей трудящихся. Для этого нужно было обезвредить эксплоататоров.

Что нужно для того, чтобы дать стране хлеба, чтобы накормить голодных?

Для этого нужно *работать, работать* и *еще раз работать*. Будем меньше дискутировать о новой хозяйственной политике, будем больше учиться на деле становиться хозяевами. Будем воспитывать себя и подрастающее рабочее поколение в той мысли, что мы работаем теперь на себя. Будем учиться хозяйствовать по-пролетарски.

Крестный путь прошел наш Красный Петроград, грудью прокладывая дорогу рабочему классу всей России. Достаточно вспомнить одну цифру—цифру смертности в Петрограде. До войны цифра смертности была в Лондоне 13,9 на тысячу населения; в Берлине она была 14,9, в Риме—16,5, в Париже—16,8. В Петрограде смертность до войны равнялась 23,2 на тысячу населения. В 1917 г. эта цифра для Петрограда поднимается до 25,2, в 1918 г.—43,7, а в 1919 г. смертность в Петрограде достигает ужасающей цифры—72,6 на тысячу населения. Ничего подобного не знал ни один город в мире. Все мы хорошо помним этот ужасающий 1919 г., когда в Петрограде, народонаселение которого уже тогда наполовину уменьшилось по сравнению с войной, число умерших за год достигло цифры 52.919 человек.

Да, мы пережили и этот тяжкий год!..

Но самое ужасное все-таки осталось уже позади. В 1920 г. смертность в Петрограде сразу упала до 50 на тысячу, а за первую треть 1921 г. она еще упала до 27,7.

Население Петрограда медленно, но неуклонно начинает возрастать. Открытие международной торговли через Петроградский порт и новая хозяйственная политика Советской власти приносят с собой начало возрождения Петрограда.

Наш хозяйственный план на ближайший год установлен. Мы будем иметь в Петрограде и губернии 98.000 промышленных рабочих, регулярная работа которых обеспечена и продовольствием, и топливом, и сырьем.

98.000—это очень немного по сравнению со старыми питерскими цифрами, но все же основное ядро промышленного пролетариата мы сохранили. Питер быстро соберет свою рабочую силу, как только ему удастся начать расширять свою промышленность. Питер, несмотря на все невзгоды и тяжести, постепенно становится истинно пролетарским городом. К 98.000 промышленных рабочих прибавьте рабочих, занятых в городском хозяйстве, прибавьте их семьи, и вы получите $^3/_4$ современного населения Петрограда. Образование северо-западной экономической области, в которую, кроме Петрограда, входят шесть губерний, окружающих его, имеет одной из главнейших задач возможно более быстрое хозяйственное возрождение Питера. И вся республика придет на помощь своему первому городу пролетарской революции.

Дать хлеба, накормить голодных, поднять хозяйство — вот задача того Петроградского Совета, который будет выбран в ближайшие 2—3 дня. За

Кэт Кольвиц. ПОМОГИТЕ РОССИИ.

ПЛАКАТ НЕМЕЦКОГО РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ, ИЗДАННЫЙ В БЕРЛИНЕ.

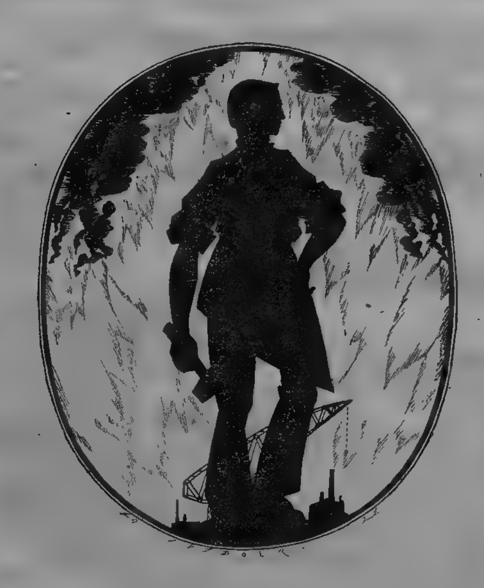
временными и преходящими злобами дня (как низкие тарифы, как несвоевременная выплата жалованья, что *очень тяжело* отзывается на рабочих и их семьях) не забудем главного—того крестного, но великого четырехлетнего пути, который лежит позади нас.

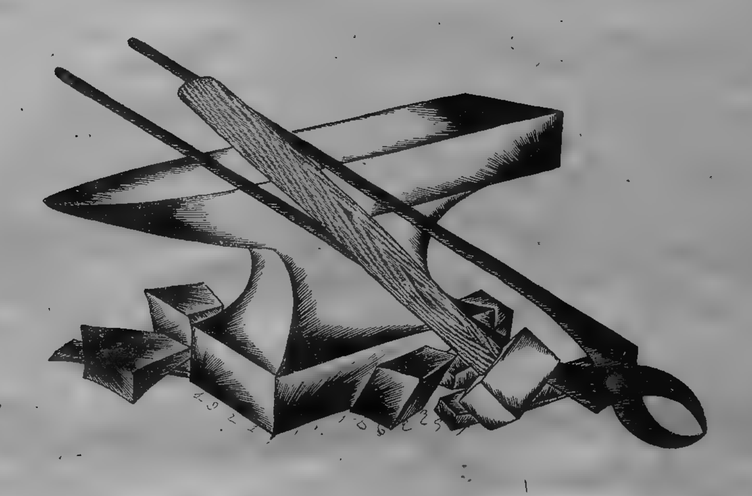
Питерские рабочие и прежде всего вы, беспартийные товарищи, составляющие большинство среди рабочих Петрограда, вы были не последними в течение того четырехлетнего героического периода, который лежит позади нас. Вы будете не последними и теперь. Коммунистическая партия предлагает честный трудовой союз всем беспартийным пролетариям, искренним сторонникам рабочей власти.

Если два года тому назад вы с некоторым правом могли указывать на то, что в наших рядах много примазавшихся, теперь вы видите, что это зло устранено: партия наша очистила свои ряды при вашей помощи, при помощи лучшей части беспартийных.

Ровно два года тому назад питерские рабочие и работницы, как один человек, защищали свой родной город от натиска Юденича. Теперь такие враги не угрожают нам больше; теперь наш главный враг—голод, неумение и нежелание работать. Победимте и этих врагов. Мы с вами пережили те тяжелые годы, когда хозяйственное разрушение, обнищание, обезлюжение и общее падение Петрограда шли с головокружительной быстротой. Теперь мы живем на переломе к лучшему. Мы с вами увидим еще хозяйственное возрождение Петрограда. Мы доживем до тех дней, когда наш родной город станет первым городом налаженного и расцветающего пролетарского хозяйства. Пионером и застрельщиком в деле хозяйственного возрождения пролетарского Петрограда призван стать Петроградский Совет седьмого созыва. Питерские рабочие позаботятся о том, чтобы их новый Совет оказался на высоте той великой хозяйственной задачи, которая стоит пред ним.

Г. Зиновьев.

НАШИ ПРОФСОЮЗЫ ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА.

За истекшие 4 года профессиональные союзы в Советской России пережили 3 основных стадии, значение которых чрезвычайно важно не только с исторической точки зрения, но и практической. В первые же дни после Октябрьской революции профсоюзы были поставлены перед сложнейшей комбинацией организационных и производственных вопросов, которые решать приходилось нередко своими силами, потому что хозяйственные органы республики только начинали формироваться. Этим объясняется то обстоятельство, что профсоюзы очень усиленно занимались организацией производства, хотя такая их роль с точки зрения чистого «профессионализма» была не обоснованной. Этот период работы профессиональных союзов был связан целиком с огромной организационной работой, которая главным образом заключалась: во-первых, в подведении под профсоюзы фабрично-заводских комитетов, как их основной базы; во-вторых, в переходе от профессионального строения профсоюзов к строению по производственному признаку. Конец 1917 г. и весь 1918-й год были заняты деятельностью профсоюзов в указанном направлении. Затем наступил второй период, когда профсоюзы начали постепенно переходить к вопросам, главным образом, охватывающим организацию труда, в то время как вопросы организации производства сосредоточились в ведении уже окрепших Советов Народного Хозяйства и других экономических органов. Отмеченный период поэтому характеризуется усиленной разработкой тарификации и нормировки труда, введением трудовой дисциплины на фабриках, заводах и других предприятиях, изучением быта рабочих, производственной пропагандой и т. д. Второй период подходит к середине текущего года, когда новые экономические задачи, вставшие перед всей советской республикой, снова вводят профсоюзы в разрешение сети всевозможных экономических задач на почве новой экономической политики.

За все указанные три периода наши профсоюзы успели проделать огромную организационную работу. Можно спорить о том, насколько им удалось охватить идейно и организационно огромные массы трудящихся. Можно приводить всевозможные доказательства того, что далеко не каждый член союза сознает свои обязанности и что в известных случаях руководство того или иного профсоюза или их объединений не является достаточно сильным авторитетом для того, чтобы предупредить и разрешить трения в предприятиях и т. д. Далеко не везде правильно поставлены и решены вопросы об организации самих союзов, о нормировке труда, об охране его. И тем не менее было бы нелепо, на основании таких доказательств, оспаривать то основное, что было проделано нашими союзами за четыре года. В целом ряде весьма сложных и серьезных положений, в которые попадала советская республика, профсоюзы, нисколько не колеблясь, жертвовали своими организационными силами для того, чтобы дать возможность республике выйти из затруднения с наибольшим успехом. Участие профсоюзов в продовольственной работе и по сию пору очень важная деятельность их в обороне страны, в борьбе с топливным голодом, разумеется, влияла на отчетливость и не редко правильность функционирования союзных аппаратов, но зато все эти уроки жизни для профсоюзов даром не прошли, и сейчас в их лице мы имеем совершенно своеобразные организации, разумеется, очень мало приемлемые для Амстердамской схемы, но зато хорошо приспособленные к важнейшим задачам пролетарской республики. Сейчас профсоюзы подвергаются очень тщательному испытанию со

стороны новой экономической политики. Им приходится, с одной стороны, попрежнему вести упорную работу по организации трудящихся сил, а с другой стороны, как бы возвращаясь к первой стадии, самым пристальным образом изучать новые экономические комбинации, которые требуют, чтобы каждый член союза получил отчетливое представление о тех новых путях и изгибах, которые предусматриваются новой экономической политикой и обойдены быть не могут. Вот почему новая стадия отличается огромной напряженностью организационной работы в профсоюзах, и можно сказать, что в некоторых отношениях в ней господствует такое же настроение, которое охватывало даже рядовых членов союзов в первые дни после Октябрьской революции, с той только разницей, что в те времена приходилось иметь дело с экономическим хаосом, из которого рождалась новая жизнь. Теперь перед нами вырисовывается в общих чертах довольно отчетливый экономический план, лишь требующий внимательного изучения и детальной разработки. Четвертая годовщина Октябрьской революции ставит перед профсоюзами как и перед всей советской республикой важнейший вопрос о дальнейших формах взаимоотношений между рабочими и крестьянством. Отсюда вытекает необходимость в проверке основных форм профдвижения и установления таких организационных форм, которые дали бы возможность достаточно быстро и решительно приспособить организацию рабочих сил, с одной стороны, к быстрому подъему производительности на фабриках и заводах, а с другой—к подъему производства в определенном направлении, т.-е. для обслуживания крестьянства в первую очередь. Вторая задача, которая стоит перед профсоюзами, заключается в том, чтобы помочь государству облечь возрождающийся капитализм такой густой сетью пролетарских организаций, построенных планомерно и руководимых из единого центра, чтобы государство могло в любое время и безболезненно поставить известный предел развивающемуся капиталистическому отношению в рамке советской республики. Разумеется, для осуществления такого типа организации понадобится серьезная ломка старых профессиональных организационных форм, тарифной работы и проч., и тем не менее уже сейчас имеются определенные признаки налицо, говорящие о достаточной гибкости и упругости в то же время наших профессиональных организаций для решения такой сложной очередной проблемы.

На следующий день после Октябрьского переворота наши профсоюзы, так же как и все советское государство, были в состоянии полной изолированности от всего мира. Им приходилось рассчитывать только на самих себя и пускать в оборот то огромное доходное наследство, которое они извлекли из изучения опыта профессионального движения во всех странах до и во время войны. Это давало им возможность ориентироваться в сложнейших практических проблемах, что и выражали их основные методы классовой борьбы. Но и только. Своеобразность положения пролетарской революции заключалась в том, что все, что творилось в ней, было совершенно ново и очень часто сводилось к революционной импровизации. После четырех лет мы имеем обстановку для развития профдвижения. Западно-европейское и американское профессиональное движение еще опутано идеологией старого мира, и однако среди широких масс рабочих уже достаточно назрело на Западе революционное настроение для того, чтобы оказать известную помощь нашим профсоюзам. Мало того, разгром международной белогвардейщины на всех наших фронтах и снятие блокады привели к тому, что мы получили уже теперь возможность делиться своим опытом с западными профсоюзами. Достаточно указать на высокой степени важный первый международный конгресс красных профсоюзов, который имел место в Москве несколько месяцев тому назад. На этом съезде выявилось как бы столкновение двух миров. Здесь был впервые сделан подсчет всем тем огромным держаниям и завоеваниям, которые были проделаны русскими профсоюзами. На этом съезде впервые не только работники русского профдвижения, но и представители союзов всех важнейших капиталистических стран могли произвести оценку двух типов профессиональных организаций: европейских и советских. И этот практический смотр дал полную возможность установить, что русское профдвижение начинает со своей стороны оказывать сильное воздействие на европейские организации и как бы их оплодотворять революционным настроением.

О чем говорит этот факт, который не решится отвергать даже наш противник? А именно о том, что наши профсоюзы успели за это время сделать достаточно для оформления основных революционных задач, которые теперь встают не только перед Советской Россией, но и перед всем миром. И если нам говорят о том, что русские профсоюзы еще не в состоянии фактически овладеть всеми членами, которые числятся в них, то это нисколько не дает основания для оспаривания их колоссального значения в общем масштабе. Достаточно указать на то, что в других странах классического профессионального движения, как Германия или как Англия, в настоящее время мы имеем очень резкие приливы и отливы огромных масс рабочих в профсоюзы несмотря на то, что их организационный аппарат доведен до государственности. Точно так же совершенно ясно, что наши профсоюзы лишь только теперь начинают ставить по настоящему дело производственной пропаганды и лишь теперь приступают к воспитанию своих членов достаточно систематическому для того, чтобы каждого из них делать сознательным по отношению к своей организации и стало быть ко всей Советской власти. Было бы, разумеется, смешно, если бы наши профсоюзы стали утверждать, что за четыре года им уже удалось проделать все то, на что требуются целые десятилетия. Одно лишь они вправе утверждать, и это стоит очень многого, что в течение этих четырех лет им удалось своей работой закрепить за всеми трудящимися России

возможность дальнейшего развития в пролетарской стране, т.-е. ту самую возможность, из-за которой профессиональные союзы во всех странах ведут теперь такую отчаянную борьбу с капиталистами. Для получения этой возможности была сделана Октябрьская революция. Во имя закрепления ее профсоюзы вместе с Коммунистической Партией и Советской властью боролись на всех фронтах, во имя сохранения ее, каждый член профсоюза сейчас ведет отчаянную борьбу с хозяйственной разрухой. Ближайшей задачей профсоюзов является превращение возможности в полную реальность, и можно сейчас сказать, что основной руководящий слой рабочего класса Советской России это хорошо понимает, что и является в сущности виднейшим результатом четырехлетней работы и борьбы советской республики в целом.

В истории человечества никогда еще не бывало примеров, чтобы рабочий класс, захвативший власть в свои руки, четыре года мог удержать ее, несмотря на окружение врагами со всех сторон. Хотя этот срок для исторической перспективы является очень кратким, тем не менее он уже успел оказать сильнейшее впечатление на пролетарские массы всех стран, и наши профсоюзы могут с гордостью констатировать тот факт, что они со своей стороны не мало помогали советской республике укрепиться на завоеванных позициях. Теперь для ближайшего года перед ними стоят новые задачи. Они должны показать, что новая экономическая политика хорошо понята и воспринята ими, они должны помочь Советской России выйти на широкий путь планомерного хозяйственного строительства. Разумеется, и в данном случае придется потратить не мало сил, быть может, пожертвовать очень многим. Разумеется также, что проявится эта затрата сил и даст определенный результат еще не скоро, но мы глубоко убеждены в том, что к празднованию пятой годовщины Октябрьской Революции мы уже сможем отметить кое-что сделанное нами за ближайшие годы.

Цыперович.

ПАРТИЯ И ЧЕТВЕРТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

I.

В четвертую годовщину Октябрьской революции небезынтересно вспомнить ту роль, какую играла и играет наша партия в истории русского рабочего движения, и в частности роль Петербургской организации.

С самого начала широкого рабочего движения на долю российской социал-демократии выпадает почетная роль быть руководителем революционных выступлений пролетариата, а, стало быть, и всенародного освободительного движения, ибо рабочие и их борьба лучше и полнее всего выражали не только стремления самих рабочих, но и всех тех угнетенных слоев, которые не на словах , а на деле стремились к свержению самодержавия.

В самом деле, когда после подавления героических борцов «Народной Воли» наступила зловещая реакция, только рабочие сохранили революционный пыл и способность к организации, причем очень скоро тем знаменем, под которым начинает собираться пролетариат, является марксистская программа, выработанная сначала «Группой Освобождения Труда», а затем и действующими в России социал-демократами на первом и в особенности на втором съезде партии в 1903 г.

Ни социалисты-революционеры, ни тем более другие буржуазные партии не могли повести за собой подавляющее большинство народа.

После второго съезда партии, когда социал-демократия раскололась на два крыла, руководство всем революционным пролетарским движением окончательно перешло в руки ее левого крыла, к партии большевиков.

Уже в подготовительный период к революции 1905 г., когда стихийное рабочее движение охватило сотни тысяч пролетариев и выразилось в вооруженных демонстрациях и, значит, в прямых столкновениях с войсками и полицией, руководство этим движением, придание ему сознательности всецело находилось в руках большевистских организаций.

При этом петербургские рабочие и петербургская большевистская организация начинают играть первенствующее значение.

Первые политические массовые протесты начались в Петербурге, и первые майские демонстрации имели место на улицах северной столицы.

Это и не удивительно. Здесь были сосредоточены наиболее крупные металлические заводы России, здесь был политический центр страны, здесь находились самые развитые и сознательные рабочие, здесь же, обыкновенно, собирались и виднейшие политические силы партии, здесь же, наконец, всегда налицо были революционные традиции прошлого.

Революционная, и теоретически и практически правильная линия, намеченная большевиками на третьем съезде партии—по всем главнейшим вопросам,—о вооруженном восстании, об открытом политическом выступлении и о временном революционном правительстве,—эта революционная тактика помогла большевикам удержать гегемонию в своих руках.

Петербург и в этот период играет первую и главнейшую роль во всем движении.

Правда, в первые дни выступления петербургского пролетариата, 9 января и в течение всего месяца вплоть до кампании по избранию делегатов в комиссию Шидловского, социал-демократия не могла овладеть рабочим движением, но уже в конце января социал-демократы и особенно большевики были единственными руководителями всей революции.

Начинается забастовочное движение, во главе идет Петербург под руководством петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П.: Петербургский Совет рабочих депутатов, всероссийская октябрьская забастовка, вынудившая самодержавие пойти на уступки и, наконец, декабрьская вооруженная борьба,—все это движение прошло под руководством большевиков.

Можно смело сказать, что вся Россия в течение 1905, 6, 7 и 8 годов смотрела на Питер и ждала решений петербургского большевистского социал-демократического комитета, который работал под ближайшим руководством Ц. К. нашей партии; точно так же можно смело утверждать, что в течение самой глухой реакции чистота той тактической линии, какую заняла наша партия, помогла пролетариату пережить эти недобрые времена. В то время как мелкобуржуазная часть социал-демократии, меньшевики, уже хоро-

пили партию и шли на поводу у либеральной буржуазий, большевики призывали пролетариат к объединению и укреплению нашей нелегальной организации.

И в это время Петербург шел впереди всей пролетарской России,—именно в Петербурге, среди самых передовых слоев российского пролетариата удалось организовать единственную в истории революций газету «Правду», бывшую могучим объединителем распыленных пролетарских сил.

Без помощи и сочувствия петербургских рабочих, без тех жертв, которые несли петербургские пролетарии, партии не удалось бы так скоро оправиться от ударов реакции, равно как и без того теоретического руководства, которое постоянно проявляла партия, пролетариат не смог бы так сплотиться, не смог бы выдвинуть, воспитать и закалить тех организаторов, пропагандистов и агитаторов рабочих, которые выдвигались рабочим движением.

Вот почему, когда наступила война, пролетариат не только не расстроил своих рядов, а, наоборот, еще более сплотил их, и когда самодержавие пало, то партия прямо из подполья выступила могучей, сильной и закаленной организацией, готовой на решительный бой с буржуазией.

II.

Теперь, особенно молодым товарищам нашей партии, кажется, что все дело свержения буржуазии и захват власти пролетариатом было достигнуто только в силу необыкновенно благоприятного стечения обстоятельств.

А между тем, это далеко не так.

Нужны были необыкновенная выдержанность, закаленность и героизм, выкованные всей предыдущей борьбой, и, что самое главное, нужна была та теоретическая чистота и четкость тактических линий, какие намечала наша партия, чтобы не уклониться от правильного пути, устоять в период травли со стороны буржуазии в апреле и мае 1917 г., прямых преследований и разгромов в после-июльские дни и в особенности во время подготовки к октябрьскому восстанию и в момент самого восстания.

Кэт Кольвиц. НА ШТУРМ.

Сколько требовалось твердости и выдержки, чтобы убедить инако-мыслящих, ободрить колеблющихся, вдохнуть мужество в уставших и, одним словом, превратить все эти несколько десятков тысяч пролетариев-большевиков в одну могучую боевую силу, в монолит, разящий противника, как таран.

Оглядываясь теперь на прожитые четыре года после октябрьского переворота, начинаешь понимать, какое огромное значение имела для партии предыдущая ее боевая деятельность в эпоху подпольного существования.

В самом деле, разве после октябрьского переворота, когда началось восстание Краснова и Корнилова, без единой воли партии, спаявшей весь пролетариат в могучую силу, мыслима была победа над контр-революционными генералами; а затем, когда победоносное шествие Колчака, казалось, уже грозило гибелью Советской России, разве не переход всей партии на военное положение, а вслед затем и всей страны, разве это обстоятельство не дало нам в руки победы?

Краснов, Корнилов, Алексеев, Колчак, а вслед за ним Деникин, Юденич и Врангель—все они разбивают свои полчища о несокрушимую солидарность пролетариата, руководимого партией революционного рабочего класса.

Самые первые дни после Октябрьской революции, дни брестского мира, когда казалось, довольно одного взмаха прусского военного сапога — и от диктатуры пролетариата не останется и следа, разве эти первые дни с их победами и поражениями не доказывают, что жизненна та партия, которая умеет создать сплоченность и единство действий пролетариата.

Только наличие такой закаленной в боях партии и дает возможность нам пережить все ужасы брестского мира, капиталистического окружения, эпохи белогвардейских заговоров, массовых крестьянских восстаний и натиска мировой империалистической буржуазии.

Были положительно времена, когда пролетариат мог с полным правом сказать: «я погибал, мой злобный гений торжествовал»..., но являлась партия, и ее твердое, ясное руководство снова вливало энергию в ряды борцов, и мы шли ценою поражений и ошибок к новым успехам и победам.

В этой необыкновенной и героической борьбе петербургский рабочий являлся самым передовым, самым сознательным, самым революционным элементом.

На всех самых ответственных постах,—и в армии, и в революционных комитетах, и в борьбе с белогвардейскими и крестьянскими восстаниями, и в тяжелой текущей хозяйственной работе петербургский пролетариат всегда впереди.

Нечего говорить о моменте самого октябрьского переворота,—он начат петербургским пролетариатом, все последующие этапы революции обильно политы кровью петербургских рабочих: в ноябре петербургские рабочие бросили тысячи своих лучших сынов в деревню, подняли ее и довершили в деревне то, что было начато в городе; в январе, феврале и марте 1918 г. питерцы руководили борьбой с немцами, весь 1918 г. они организовали красную гвардию, а затем отдали свои лучшие силы на создание красной армии, затем на фронтах в далекой Сибири, на Дону, на Украйне, на Кавказе и в полях Польши они ведут за собой красные полки и своей смертью спаивают непобедимые легионы.

Они побеждают, ошибаются, переживают поражения, учатся на своих ошибках и идут от победы к победе, руководимые самой революционной партией в мире.

III.

Четвертая годовщина пролетарской революции!

Как легки казались тогда в октябре 1917 г. те задачи, какие предстояло разрешить пролетариату России, и как трудны они кажутся теперь!

Действительно, мировой кризис империализма затянулся, сила его сопротивления еще не сломлена, и нам предстоит пройти тяжелую эпоху восстановления хозяйства разоренной крестьянской страны в капиталистическом окружении.

Эта борьба, какая предстоит нам сейчас, борьба с оправляющейся мелкобуржуазной стихией, в тысячу раз сложнее и тяжелее военной четырехлетней борьбы.

Здесь, в этой новой борьбе особенно важно сохранить единство и сплоченность пролетарской партии, сохранить чистоту и правильность теоретических позиций и укрепить основное партийное ядро.

Вот почему имеет огромное значение та старая гвардия, которая с каждым днем тает у всех на глазах.

Молодые члены партии, да и вся партия в целом, должны понять, что только тогда будут здоровы и жизненны молодые побеги партии, когда корни, питающие весь партийный организм, также жизненны и здоровы и когда смена этих старых частей более молодыми происходит постепенно и нормально.

Да, конечно, без притока новых молодых элементов партии грозит истощение и гибель, но и эти молодые, новые элементы ничто, если они кровными узами не связаны с уходящими в вечность старыми солдатами старой гвардии.

А эти последние должны во-время передать своим наследникам и преемникам весь свой опыт, весь свой теоретический капитал, накопленный за долгие годы борьбы, все свое уменье организовать и сплачивать массы.

Каждый старый член партии, каждый ветеран должен быть и будет организующим центром, из которого разойдутся организационные и идейные нити, собирающие молодых солдат революции.

«Еще есть порох в пороховницах!» должен говорить каждый старый член партии, «будем учиться!» должен говорить каждый новый член партии; «будем работать!» скажет вся партия до единого человека.

Только при таком обрастании старого ствола нашей партии свежим здоровым молодняком умираю-

щие ткани партийного организма постепенно заменятся новыми тканями.

В особенности теперь в период тяжелого хозяйственного строительства, где требуется не только порыв, натиск, энтузиазм, молодая энергия, но и выдержка, стойкость и терпение, особенно ценны старые испытанные организаторы.

Без традиций, без связей с прошлым, без понимания этого прошлого нельзя строить настоящего, ибо ведь прошлое было когда-то беременно нашим настоящим, как наше настоящее беременно нашим будущим, и если мы хотим, чтобы это будущее было прекрасным дитятей, надо добиться того, чтобы недра, рождающие его, были вполне здоровы.

Борьба с мелкобуржуазной стихией, с натиском новых чуждых элементов на партию, утомительная хозяйственная работа, «всемогущество власти», которое так прельщает эту мелкобуржуазную стихию, попытки взять нас медленным натиском изнутри— все это заставляет особенно подумать о той подготовке, какую должны получить молодые члены партии, и о той теоретической и организаторско-воспитальной роли, какую должны сыграть поседелые в боях ветераны нашей партии.

Четыре года борьбы! Четыре года неустанной борьбы, чтобы отстоять свое существование! Впереди новые годы еще более тяжелой борьбы, утомительной, тяжелой, повседневной борьбы среди миллионного мелкобуржуазного моря в области хозяйства.

Перед нами задача, не только победить это море силой, но и вычерпать из него все то, что может укрепить, усилить нас,—создать не только оплот в пролетариате (он уже есть), но и в крестьянстве, сорганизовавши его наиболее революционные кадры.

Завоевать экономически деревню, построить крупную промышленность, пережить эпоху государственного капитализма и социализма, шаг за шагом отметая старое и строя новое—эта задача миллион раз сложнее прямых боевых столкновений.

И все-таки, вступая в пятый год существования советской республики, верится, что мы победим, ибо партия еще жива, она крепнет с каждым днем, она не забывает ошибки и успехи прошлого, она учится на них и тем самым почерпает новую могучую силу для руководства пролетариатом.

В этой предстоящей борьбе на долю Петрограда снова выпадает завидная участь быть в первых рядах, ибо без возрождения Петрограда, этого окна в Европу, немыслимо возрождение хозяйства России, а без этого немыслимо существование Советского государства.

Петроградские пролетарии! В передовые ряды! С возгласом: «да здравствует Советская власть и мировая революция!» вы, сплотившись вокруг наших обвеянных порохом красных знамен и своих старых вождей, победите и нового врага—хозяйственную разруху.

В. Невский.

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ.

Русские рабочие и крестьяне освободили свою страну от полчищ европейского империализма и русской контр-революции. Вся необъятная страна отныне в их руках. Лишь берег Великого Океана еще занят японским бандитом, который цепко держится за этот оставшийся клочок русской территории. Борьба завершилась полной победой русских рабочих и крестьян. Тем не менее, однако, они голодные, обессиленные, они ходят в рваных одеждах и, пользуясь этим, капиталистическая печать всего мира обращается к рабочим всех стран со следующим призывом: «полюбуйтесь на это пугало, именуемое Советской Россией, полюбуйтесь на этих победителей, которые принуждены нищенствовать, когда настигло их природное бедствие. Хотите вы подражать этим жалким победителям?» Малодушные бледнеют со страха и говорят: «Нет, мы предпочитаем голодать и мерзнуть, лишь бы не бороться, лишь бы не очутиться после победы в положении русских пролетариев». Но те рабочие и работницы всего мира, в которых еще не умер дух протеста, которые не дают себя поработить интернациональной буржуазией и интернациональной социал-демократией (международной), эти рабочие низко поклонятся изнуренным русским рабочим и скажут им: Вы были авангардом, вы были лучшими борцами международного пролетариата, и мы хотим последовать вашему примеру. Мы не боимся острых шипов, которыми усеян весь ваш путь, не устрашит нас и крутизна его. Колесо мировой войны катилось по горам нагромождавшихся трупов рабочих всего мира, раздавливая и уничтожая их под собою. Миллионы за миллионами уходили в могилу. Прикованные к машине, прикованные к пушке, шли они, понуря голову, купаясь все более и более в собственной крови. Они давно уже потеряли веру в то, что война ведется во имя их интереса, во имя защиты их отечества. Но они не имели достаточно сил, чтобы восстать против кнута возбудителей войны, они не были в состоянии разбить те цепи, которые приковывали их к колеснице войны. Оковы эти составлялись не только из железа и стали, сверкавших в руках буржуазии. Большим гнетом для рабочего класса были те невидимые цепи, которые он создавал себе сам в течение своей длительной борьбы, не подозревая того, что они послужат не его укреплению, а наоборот, закрепощению буржуазии. Это было доверие рабочего класса к своим старым партиям, доверие его к профессиональным организациям, которое выдало его с головой буржуазии, после того, как вожди его партий и профессиональных союзов стали провозвестниками капиталистической войны. Один лишь русский пролетариат, рожденный в стране абсолютизма, вовлеченный скорпионами царизма и молодого кровожадного капитализма в революционную борьбу, создал себе свою революционную партию, один лишь русский рабочий класс осмелился возмутиться, один он сумел использовать затруднения гнилой капиталистической системы царизма, чтобы восстать на борьбу. Ему удалось стать авангардом народных масс, требовавших мира, хлеба и земли. Волна революционного рабоче-крестьянского движения поднималась все выше и выше. Оппортунистически настроенные социал-демократы в союзе с гнилой, разлагающейся буржуазией пытались удержать пролетариат. Они указывали ему на то, что рабочие других стран не пойдут с ними, что они действуют в союзе с буржуазией, что они последуют за социал-патриотами. Вы останетесь одинокими в вашей борьбе и вы погибнете

в ней—так пугали их меньшевики, но вожди большевиков отвечали им: «одна часть мирового пролетариата должна непременно пробить брешь в стене вражеских штыков, пусть даже эти штыки вонзятся ему в грудь. Кто-нибудь должен начать, и так как мы в состоянии это сделать, так как рабочие и солдатские массы в большинстве следуют за нами, мы обязаны взять на себя инициативу, мы обязаны своим примером указать путь международному пролетариату». Конечно, наша победа не будет прочна, если европейский пролетариат не последует за нами, без его поддержки мы будем поражены. Кому-нибудь все же следует побороть затруднения момента. И русские рабочие и крестьяне сказали себе: «да будет так». (Так оно должно быть.) В октябре 17 года рабочий класс, опираясь на революционную часть крестьянства, впервые в истории завоевал себе власть в большом государстве. Весть об этом неслыханном завоевании, проникнув во все углы земного шара, подорвала не только основы капитализма, но и основы всех рабовладельческих систем, длящихся тысячелетия. Повсюду, где только были эксплоатируемые, угнетенные люди, они воспрянули духом, они судорожно ухватились за эту новую весть, весть о том, что пролетарии осмелились схватить почтенных владык и господ за глотку. Большинство рабочих, поседевших, ослабевших в нужде, качали сомнительно головами. Они будут раздавлены, они будут разбиты, и так думали те, которые слишком срослись со своими цепями и утомленные продолжали их влачить за собой. Но все молодое, все то, что чувствовало в себе хоть каплю силы, воспрянуло духом и приступило к борьбе. Радиостанции Царского Села и Ходынки посылали изо дня в день вести ко всем, всем, всем, и как бы лаконичны и коротки они ни были, они звучали прекрасной песнью борящегося пролетариата, пожертвовавшего всем ради достижения свободы и обновления жизни. Далеко разносились семена пролетарской революции, и если когда-нибудь на земле, избороженной гранатами и шрапнелью, снова водворится порядок, если возродится человечество к здоровой, счастливой жизни, окруженное мирными лесами—грядущие поколения скажут тогда несомненно следующее: «7 ноября 1917 г. был занесен топор над гнилым зданием капитализма, тогда впервые были посажены те деревья, тенью которых мы теперь наслаждаемся. Но мощь пролетарской революции во всем мире уступала несомненно мощи капитализма, и поэтому вслед за первой борьбой последовал год кровавых революционных стычек, поэтому и до сих пор капитализм, потрясенный в своих основах, стоит на страже капиталистической эксплоатации. Благодаря этому русские рабочие в течение трех лет боролись одни с оружием в руках против целого полчища врагов, которые жаждали поработить их снова. Сквозь стену вражеских штыков, ворвавшихся в Россию, проникали к нам известия о том, что с каждым днем растет армия революционного пролетариата Европы, что их лозунги совпадают с лозунгами их умирающих русских товарищей. Подобные известия поднимали, укрепляли дух голодного и раздетого, но не бросавшего оружия русского рабочего. И, борясь на 14 фронтах, он все прислушивался и ожидал с замиранием сердца приближения братских, пролетарских батальонов, спешащих к нему на помощь. Одного давления со стороны мирового пролетариата не было достаточно, чтобы побороть мировой капитализм. Оно способствовало только ослаблению вражеской армии, и это обстоятельство, конечно, облегчило русским рабочим и крестьянам борьбу против натиска буржуазии. За истекшие три года русским рабочим и крестьянам пришлось не мало потрудиться, чтобы кое-как отстоять свое существование. Они, благодаря этому, не были в состоянии строить себе новые дома, они запустили свои поля, фабрики и заводы, лишая себя таким образом необходимых средств существования. Они еще не принимались за создание коммунистического строя, они боролись лишь за необходимые предпосылки его, т. е. за свободу своей страны. Отбрасывая войну, Советская Россия все же одна, окруженная капитализмом, не сможет реализовать коммунистического строя даже в том размере, как бы это подобало мелко-буржуазной стране с преобладающим крестьянским хозяйством. Хозяйственная экономическая разруха страны, вызванная мировой войной, которая обратила предметы первой необходимости в предмет роскоши, заставляет русский пролетариат итти на уступки мировому капиталу, побороть который могут лишь соединенные силы пролетариев всех стран. Эта уступка предотвратит его от новых воинственных нападений со стороны европейской буржуазии, она даст ему возможность приобрести необходимые ценные машины. Пока европейский пролетариат не взял еще власти в свои руки, Советская Россия принуждена часть своей территории и своих естественных богатств отдать в аренду мировому капиталу. Ослабленная экономически, она не в состоянии приняться сейчас одними своими силами за воссоздание крупной индустрии в ее полном размере. Она должна допустить возрождение частной, средней индустрии, чтобы получить от нее предметы потребления, необходимые для крестьянского хозяйства. Лишь тогда она сможет отдохнуть после 7-летней войны и снабдить хлебом и сырьем, необходимыми для воссоздания крупной промышленности—этой социальной основой господства русского пролетариата. Уступки, которые Советская Россия делает по отношению к иностранному капиталу и русской мелкой буржуазии, необходимы для того, чтобы авангард русского пролетариата удержал власть в своих руках. Это является необходимым условием победы международной пролетарской революции. Если передовые части русского пролетариата удержат власть за собой, если им удастся поднять экономические силы страны, сельско-хозяйственную промышленность, то этим путем они создадут не только военную мощь 150 миллионов людей, они укрепят страну экономически, укрепят ее сельскохозяйственные вспомогательные силы, с которыми

Кет Кольвиц. ВОССТАНИЕ.

в дальнейших стадиях мировой пролетарской борьбы очень придется посчитаться. Исходя из интересов международного пролетариата, мы считали в военное время необходимым отклонять от себя всякие советы, которые предупреждали нас о вреде коммунистических экспериментов в мелко-буржуазной стране.

Во время войны мы считали целесообразным концентрировать все вспомогательные средства страны в руках пролетариата; надо было их централизировать, использовать их в духе коммунизма. Война требовала от нас беспощадную систему реквизиций, так как это обеспечивало нам победу. Теперь в интересах мировой революции необходимо удержать в руках рабочего правительства лишь то, что оно в состоянии развить дальше, предоставив все прочие (орудия) средства производства инициативе их частных владельцев или арендатора. В течение нескольких лет наше хозяйство велось за счет будущего только для того, чтобы добиться окончательной победы. Сейчас вся энергия должна быть направлена на поднятие производящих сил страны, хотя бы и не путем коммунизма, так как русский пролетариат и коммунистическая партия не смогут удержать иначе власть в своих руках в столь истощенной стране. Это обстоятельство необходимо учесть в интересах мировой революции. Прошло уже 4 года, как русский пролетариат завладел властью в стране. Он боролся так, как ни один из отрядов международной рабочей армии. Так как ему еще пока не была протянута рука помощи, ему приходилось не раз отдавать уже завоеванные позиции, отступать из стратегических соображений. Одна из таких стратегических уступок марта текущего года прошла для нас весьма удачно. Многим нашим смелым борцам пришлось при этом сильно пострадать. Укрепившись на своих новых позициях, они еще не миновали многих опасностей.

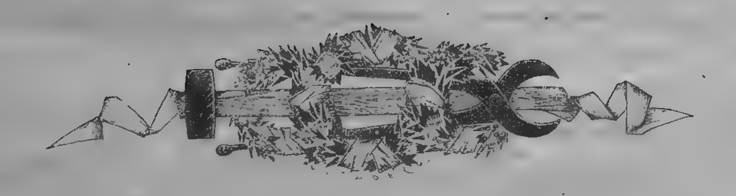
Засуха этого года, эпидемии, вечные спутники голода, которые набросились на измученное насе-

ление Советской России, все эти обстоятельства пробуждают новые надежды у нашего врага. Нужда, лишения России побуждают его к новым натискам. Вполне возможны новые военные нападения на нас. *Величайшее экономическое давление не подлежит сомнению.* Если даже капиталистические страны побоятся с оружием в руках наброситься на Советскую Россию, они сумеют циничным образом отклонить всякую помощь голодающей России, они сумеют использовать голод, чтобы получить новые и новые экономические уступки для мирового капитала. Если недавно лозунгом мировой пролетарской революции было «руки прочь от Советской России», то теперь они должны провозгласить «мир и хлеб для Советской России». Дело не в том, чтобы бороться путем нового давления со стороны рабочих масс против агрессивных планов, направленных против Советской России. Дело не в том, чтобы пролетарии всех стран делили с Советской Россией свой последний кусок хлеба. Необходимо, чтобы они требовали от своего правительства материальной помощи для России при условии, чтобы их буржуазные правительства не предъявляли России неприемлемых для нее условий. Советская Россия обращается к мировому пролетариату со следующими словами: этот мир зиждется на пике. Ни одна капиталистическая страна не имеет честного намерения жить в мире не только с русским рабочим и крестьянством, но даже с другими капиталистическими странами. Мир нам даст лишь победоносная мировая революция, которая обратит человечество в семью взаимно помогающих друг другу народов. В течение 4-х лет кровавой гражданской войны Советская Россия повторяет рабочим всех стран следующее: я живу только потому, что имею смелость организовать гражданскую войну. Обратите взоры ваши на положение дел в ваших странах. Думаете ли вы, предполагаете, что ваша буржуазия уступит вам добровольно свои фабрики и банки? Нет, лишь в том случае, если вы подступите к ней с ножем к горлу, если вы—большинство пролетариата—вырвете власть из ее рук, лишь тогда, когда вы взамен диктатуры капитала поставите диктатуру пролетариата, вы освободите путь к освобождению человечества. По истечении 4-х лет, когда материальное ослабление русского рабочего класса ослабило рабочие советы, Советская Россия говорит мировому рабочему классу следующее: взгляните на свои парламенты. Можете ли вы ожидать какого-либо блага от этих храмов наживы, взяточничества, этих очагов полной творческой несостоятельности? Только советы рабочих города и деревни, умственного и физического пролетариата—вот это единственная форма объединения борющегося пролетариата. Прошло 4 года тяжких испытаний, большой борьбы, большого опыта, больших разочарований. Дорога оказалась длиннее, чем мы предполагали, когда мы бурно захватили власть в свои руки. Советская Россия бедна, каждый кусок ее тела истекает кровью, но тем не менее она цепко держится за свое красное знамя 7 ноября. С ним она победит или погибнет совсем. И все же мы убеждены в том, что путь, на который мы вступили в тот славный день, есть единственный путь, который приведет и нас и всех к победе, как бы велики ни были жертвы. Эта вера дает нам силу поднять в день 4-х-летия первой пролетарской революции, в годовщину 7 ноября наше бурей истрепанное красное знамя и крикнуть на все страны, через горы, реки и моря всем рабочим и работницам всего мира:

Да здравствует мировая пролетарская революция!
Да здравствует диктатура пролетариата!
Да здравствует союз пролетарских советских республик!
Да здравствует коммунизм!

К. Радек.

«ДОЛОЙ СОВЕТЫ!»

Из дней критического периода большевистской политики.

I.

В четвертый раз, со времени Октябрьской революции, зима сменяет осень. За истекшие четыре года многие подробности революционного времени постепенно изгладились из памяти даже тех, кто не только переживал эту революцию, но и сам участвовал в ней. При беглом взгляде на все происходившее тогда, часто может казаться, будто возвышение Советов совершилось по непрерывно поднимающейся вверх прямой линии.

Первые дни, прекрасные и бурные, в конце февраля и начале марта!.. Организуются Советы рабочих, крестьян и солдат. Они разрушают царизм, и старая власть рушится, превращаясь в развалины... После периода двоевластия (разделения власти между временным правительством и Советами), Советы превратились наконец в органы исключительной власти...

Но развитие революции не шло таким простым путем. Путь к осуществлению лозунга «Вся власть Советам», правда, был короче пути западной пролетарской революции, но также был богат зигзагами. Молодежь, вся масса рабочих и солдат, окружающих Советы, вовсе не думала о том, чтобы взять в свои руки всю власть, но тем не менее уже в самом начале революции все силы и все средства власти находились в их руках. Советы, которые могли распоряжаться этими силами, пользовались своей властью для контроля буржуазного правительства и безответственного сотрудничества с ним, пока они не перешли, наконец, отвергнув всю большевистскую теорию, под руководством меньшевиков и социалистов-революционеров, к участию в дарованной буржуазии власти и к открытому классовому взаимодействию.

После кратковременного колебания, лозунг Советской власти сделался выражением большевистской тактики. Но ни добровольная передача власти Советами правительству, ни политика революционной обороны страны не могли поколебать большевиков в их решении направить все свои стремления к тому, чтобы власть была передана Советам.

«... Народным массам надо было разъяснить, что Советы рабочих представляют единственную возможную форму революционного правительства. Наша задача,—в виду того, что правительство подчиняется влиянию буржуазии,—должна заключаться в терпеливом, систематическом и упорном освещении всех ошибок, также и тактики, принимая при этом во внимание практические потребности масс. Пока мы находимся в меньшинстве, мы должны продолжать свою критическую работу, свои указания на ошибки, одновременно с пропагандой идеи о необходимости передачи государственной власти в руки Советов рабочих, для того, чтобы массы, на основании приобретенного опыта, могли бы избавиться от своих ошибок». (Тезисы Ленина в «Правде», от 7-го апреля 1917 г.).

Отношения партии большевиков к Советам в то время были такие же, как и отношения ее к массам, тем самым массам, которые с искренней верой принимали участие в революционной обороне страны и пока еще не уяснили себе ни значения власти, ни той истины, что окончательная победа революции невозможна ни в какой другой форме, как лишь в форме рабочей революции.

Вместо того, чтобы опереться на Советы, которые, в мае месяце, благодаря своему тогдашнему составу, не только не были поборниками Советской власти, но даже препятствовали ее осуществлению, большевики-революционеры стали повсюду требовать новых выборов в Советы. Посредством своей терпеливой, систематической и настойчивой тактики, отвечающей практическим потребностям масс, большевикам удалось достигнуть того, что при новых выборах в Советы половина членов, выбранных в рабочие секции, и четверть—избранных в солдатские секции, состояла из большевиков и сочувствующих им элементов.

Но это еще далеко не означало, что партия большевиков одержала победу своей тактикой и привлекла окончательно на свою сторону массы и Советы. Массы попрежнему верили проповедникам классового совместного действия, предоставляя им занимать руководящие места, хотя уже в июне происходили демонстрации против капиталистических министров и в пользу передачи власти Советам. Лозунги большевиков приобретали популярность, но большинство Советов все еще отказывалось от власти.

II.

После событий 3-го и 5-го июля, представлявших нечто больше простой демонстрации, хотя и не являвшихся еще настоящим восстанием, сила рабочих и крестьян на время поколебалась, и контр-революция в полной мере овладела положением. Советы ограни-

чились лишь не имеющими значения протестами против контр-революции и во многих местах даже открыто стали ей служить. Когда же контр-революция взяла верх, то двоевластие почти совершенно прекратилось. Правительство, с помощью вождей советов, объявило себя независимым от всех общественных организаций, что означало в сущности, что оно сделалось независимым и от Советов и превратилось совершенно в контр-революционную власть, опираясь только на кадетскую партию и на капиталистов Антанты. Советы же оказались не более, не менее, как безвластными частными организациями, которые или поддерживали сами правительство, или же,—после обезоружения рабочих меньшевиками,—подвергались преследованию контр-революции, оказавшись совершенно беззащитными перед нею. Контр-революция же, раньше направленная только против большевиков, теперь обратилась и против Советов.

Таково было положение, когда, частью лишившись своих вождей и преследуемая погромами, большевистская партия, после июльских событий, вынуждена была необходимостью избрать новую линию тактики и установить новые лозунги.

Сохранение в силе прежнего лозунга: «Вся власть Советам» оказывалось уже совершенно невозможным в виду того, что сами Советы не только противились этой власти, но даже окончательно лишились ее и потому исчезла всякая возможность мирного развития революции в этом контр-революционном периоде. При таких условиях, когда уже не могло быть речи о передаче власти в руки одной части или большинства сохранивших еще власть советских организаций, а только о захвате власти, естественным образом должен был возникнуть вопрос, какое положение займут большевики по отношению к Советам?

То обстоятельство, что Советы отклонили от себя всю совокупность власти и вследствие этого лишились той силы, которая у них была и которая могла бы доставить им эту власть, вызвало к жизни новое направление, заменившее лозунг «вся власть Советам», другим, который если не выражал этого словами, то все же имел в виду лозунг: «Долой Советы!», более или менее решительно подчеркивая его, сознавая необходимость, хотя бы временного разрыва с Советами, отклоняя от себя какую бы то ни было защиту этой массовой организации против происков контр-революции.

Характерно, что на следующем же съезде партии (26-VII и 3-VIII 1917 г.) был выдвинут на сцену вопрос: какую боевую организацию следует предложить взамен рабочих Советов и какое положение надо занять в практическом смысле в отношении тех рабочих Советов, где большинство должно было уже находиться в руках большевиков. (В некоторых провинциальных городах уже образовались такие рабочие советы.)

Отношение к этому вопросу было пробным камнем большевистской тактики. Справа оставались республиканские иллюзии, ошибочная вера в то, что руководители Советов, меньшевики и социал-революционеры, могут подвинуться влево, а также опасение, что отказ от старого лозунга может вызвать в массах настроение, враждебное Советам. Налево же, хотя и не вполне определенно, но все же замечалось стремление предоставить собственной судьбе Советы, опасающиеся брать в свои руки власть в виду контр-революции. Но такой шаг мог бы подвергнуть руководящую партию пролетариата опасности очутиться в изолированном положении. Замечались также признаки таких стремлений, которые имели в виду противопоставить существующим Советам лозунг организации «революционных советов», что было бы равносильно окончательному ниспровержению прежних Советов. Между прочим предлагалось также образовать, вместо Советов, комитеты производителей, которые и явились бы боевыми организациями пролетариата. Многие таким образом искали других форм организации власти, отличающихся от Советов.

Сохранение старого лозунга: «вся власть Советам!» было бы равносильно тому, что партия продолжает пребывать в заблуждении относительно возможности взятия власти в свои руки, и таким образом оставляет массы, несмотря на то, что вся власть тогда была уже сосредоточена в руках контр-революции. Кроме того, сохранение этого лозунга означало бы также, что партия не помышляет о захвате власти и даже отказывается от решительной и упорной борьбы с контр-революцией. Это была одна опасность, угрожающая большевистской партии вследствие новой тактики, другую же составлял отказ от деятельности в Советах, которые, несмотря на всю свою слабость и свои ошибки и на свою мелко-буржуазную нерешительность, все же представляли собой широкие массы трудящихся, рабочих и крестьян. Такое отношение партии к Советам заставило бы их окончательно потерять еще сохранившуюся у них силу сопротивления контр-революционным проискам.

Тактическую опасность представляло упорное цепляние за старый, в свое время правильный лозунг, на том только основании, что Советы действительно обладали раньше частью этой власти и являлись источником будущей власти пролетариата. Это было тем более опасно, что как раз в то время главной задачей партии должно было быть распространение борьбы с силами контр-революции.

Опасностью было также оставление Советов и отдача их в руки контр-революции, как раз в такое время, когда все более и более обнаруживалась лживость поведения социалистов-революционеров и меньшевиков, открыто поддерживаемых контр-революцией. Тогда уже явилась надежда на полную возможность мобилизации масс против победоносной контр-революции и на то, что эти массы составят резерв большевистского авангарда, организовавшись внутри самих Советов.

Партия однако не сделалась жертвой республиканских или советских иллюзий и не вступила на путь, который привел бы к ее изоляции. Она не отвергала своим новым лозунгом практической агитации и про-

паганды, которые были необходимы во время обоих периодов развития Советов, «нереволюционного» и революционного, разделявших Советы, поддерживавшие буржуазию, и те, которые помогали развитию пролетарской революции.

Старый лозунг: «вся власть Советам!» на время был отринут, но в то же время новый лозунг: «Долой Советы!» все-таки не сделался лозунгом партии. Форма организации на некоторое время была отодвинута на задний план, чтобы дать возможность выдвинуться ее содержанию. Массам следовало разъяснить, что власть Советов является лишь внешним выражением власти рабочих и крестьянской бедноты и что мирное развитие революции, так же как и безболезненный переход власти к Советам, теперь уже невозможны, так как в действительности власть уже находится в руках контр-революционной буржуазии.

Резолюция съезда, касающаяся политического положения, гласила следующее:

«В настоящее время истинный лозунг партии должен заключаться в полнейшей ликвидации контрреволюционной буржуазной диктатуры. Но только революционный пролетариат, поддерживаемый деревенской беднотой, может выполнить эту задачу, которая должна была произвести новый подъем революции». Партия, с этого времени, подчеркнула в еще более сильной степени свой характер авангарда пролетариата, заботясь все же о сохранении связи с теми организациями масс, которые еще находились во власти меньшевиков и социалистов-революционеров. Избегая преждевременной борьбы и употребляя все свои силы на организацию и подготовительную работу, чтобы в подходящий момент воспользоваться ими для захвата государственной власти, партия не уступила ни одной сильной позиции, захваченной ею, защищая, в противоположность контр-революции, все массовые организации и прежде всего Советы рабочих, солдат и крестьян. Отказ от старого лозунга означал, что партия не намерена была, даже из расположения к Советам, отречься от своей самостоятельности, от своего права на самостоятельное развитие. Она защищала Советы, как важные этапы революционного движения, чтобы потом, укрепив свою власть и свое влияние, обратить их в серьезное средство борьбы с контр-революцией и воспользоваться ими для захвата власти.

III.

Отношение нового направления к Советам было столь же правильным, как и отказ от старого лозунга, так как оно явилось выражением перехода от мирного периода развития революции в боевой период. Такая тактика спасла Советы от агонии, в которой они обретались после своего уклонения взять в свое время государственную власть в свои руки. Логическим последствием такого отказа явилось то, что центральные комитеты Советов все глубже и глубже погрязали в контр-революционной политике, все дальше уходили от власти и превращались в простое орудие в руках правительства контр-революционной буржуазии. Однако, местные Советы очень скоро доказали самым неопровержимым образом, что лозунг «долой Советы» не мог иметь никакого реального значения. После корниловского восстания, не только рабочие, но и мелкая буржуазия высказались против коалиционной политики. Всякие новые выборы в Советы указывали на новую победу большевиков, и контр-революция вынуждена была перейти от наступательной к оборонительной тактике. Петроградский Совет и самые влиятельные организации рабочих и крестьян оказались вполне под руководством большевиков, а Центральный Исполнительный Комитет Советов, который большевики не покидали, несмотря на всю его реакционную политику, не мог никакими махинациями помешать революционизированию Советов.

Лозунг «Долой Советы!» скоро был предан забвению, и пролетариат снова написал на своем знамени, переходя в наступление против буржуазии, занявшей оборонительное положение, свой прежний лозунг: «Вся власть Советам!»

Бела-Кун.

КРАСНАЯ МОЛОДЕЖЬ МОСКВЫ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

25-го октября 1917 г., когда собрался второй Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, началось восстание в Петрограде. Под руководством социал-демократической партии (большевиков) петроградские рабочие, солдаты и матросы заняли телефонную и электрическую станции и повели наступление на Зимний дворец, где находилось временное правительство под охраной «женского баталиона смерти». После того, как крейсер «Аврора» навел свои орудия на дворец, правительство спекулянтов и социалистов принуждено было частично разбежаться, частично капитулировать. Съезд Советов выбрал новое правительство пролетарской диктатуры—Совет Народных Комиссаров. Предпринятая белыми юнкерами попытка контр-революционного восстания и наступление на Петроград со стороны Гатчины были легко отбиты победившими пролетариями Красного города.

Зато в Москве кровавые бои длились целую неделю. После первых провокационных выстрелов юнкерских постов у Кремлевских стен началась лихорадочная организация красных вооруженных сил, с одной стороны, и белогвардейских банд—с другой. На стороне революции была Красная Рабочая Гвардия и все солдаты гарнизона, против нее—офицерство и юнкерские училища. Семь дней красные бойцы ожесточенно бились за каждую улицу, за каждый дом. И через семь дней штаб белогвардейцев сдался. Сотни трупов остались после боя. Но над белокаменной Москвой развевался красный флаг пролетарской диктатуры. И так же как в Зимнем дворце—в старом царском Кремле хозяевами стали победившие пролетарии.

Когда восстановляешь в памяти бурное течение событий до, во время и после октябрьского восстания в Москве, то сразу всплывает картина демонстрации 15 октября. 15 октября 1917 г., за две недели до восстания, когда в воздухе носились микробы пролетарской революции—пролетарская молодежь Москвы впервые праздновала международный юношеский день. На Красной площади, под холодными лучами осеннего солнца собрались 10.000 юных пролетариев с фабрик и заводов. Десятки знамен реяли над головами молодых рабочих и работниц. Вместе с ними с револьверами, спрятанными под пальто, были человек 50 членов Красной Гвардии. Ибо на тот же день был назначен крестный ход. И еще ночью организаторы демонстрации совещались с тогда уже большевистским Советом Рабочих Депутатов о возможности провокации, но демонстрации не отменили. С Красной площади наша колонна двинулась к Московскому Совету. И через десять минут наперерез красным знаменам двинулись позолоченные иконы и хоругви. Встретились старый и новый мир. Встретились религиозные песнопения с могучими звуками «Интернационала». И потрясенные контрастом, сохраняя полное хладнокровие, помня, что надо избежать провокации, мы спокойно пропускали перед собой старых женщин и мужчин, покорно, как стадо баранов, шедших за своими попами. Крестный ход прошел. Свободно вздохнувши, юные демонстранты пришли к Московскому Совету. И тут на грандиозном митинге, где выступали руководители Союза Рабочей Молодежи «III Интернационал», представители Совета Рабочих Депутатов, большевистской партии, большевистской фракции Солдатского Совета и других организаций, юные пролетарии Москвы мощно крикнули собиравшемуся II Всероссийскому Съезду Советов—«бери власть! Мы с тобой!» А на следующий день буржуазные газеты поливали нас грязью. Но никто не обращал внимания на их бессильный вой. Все ждали новых событий.

Во время восстания штаб Красной Гвардии городского района помещался в одном из трактиров на самом большом московском рынке—Сухаревке. Сюда кто-то не то из Питера, не то из Московского Совета позвонил по телефону и лаконически сообщил, что «в Питере началось». В штабе забегали, засуетились, приготовились. В других районах тоже. А в партийной организации обсуждался вопрос о дальнейшей тактике, были и колебания и сомнения в своевременности восстания. В этом самом трактире собрался в небольшой комнатушке Московский Комитет Союза Рабочей Молодежи «III Интернационал». Все районы прислали своих делегатов. Представители Красной Пресни, где еще в 1915 г. на баррикадах лилась кровь восставших рабочих, внесли резолюцию. В этой резолюции, принятой собранием, партия призывалась к восстанию. Не должно быть колебаний—говорили московские юные пролетарии своим вождям. И Московский Комитет обещал от имени рабочей молодежи Москвы «выступить на улицы, взяться за оружие». И когда и в Москве «началось», когда на улицах засвистали пули—красная молодежь Москвы доказала, что для нее призыв к оружию не звук пустой, а мощный, боевой клич к действию, к восстанию.

Собственно события развертывались с такой быстротой, что трудно уследить за тем участием, которое приняла в них молодежь. К тому же бои развернулись по районам, где конечно все шли вместе без различия возраста и организации. Но мне все же вспоминается один «десяток» Красной Гвардии в городском районе, составленный сплошь из членов Союза Молодежи, под командой «дядьки Макара», молодого крестьянина, дезертировавшего во время империалистической войны с румынского фронта, великолепного стрелка, чистого и преданного борца революции. Этот десяток уважала вся Красная Гвардия, «двинцы» (герои октябрьского восстания, члены солдатских комитетов двинского фронта, арестованные Керенским и освобожденные революцией) называли его своим. И действительно он давал пример другим беззаветной храбростью во время боев за улицы, прилегающие к Кремлю, за телефонную станцию. И еще после победы в Москве этот десяток стоял под ружьем, ездил драться с Украинской Радой и другими врагами революции. Во всех районах все боеспособные члены Союза Молодежи находились в рядах Красной Гвардии, поддерживали связь между частями и с Московским Советом, ходили в разведку в лагеря белых, рыли окопы, строили баррикады, участвовали в боях.

Четыре жертвы из рядов нашего союза врезались особенно в память юных пролетариев Москвы—Барболин, Жебрунов, Ходяков и Люсик Лисинова. Первые три юноши—рабочие, четвертая девушка курсантка. Барболин и Жебрунов были убиты одним и тем же залпом при штурме здания градоначальства, Ходяков, или Ходик, как мы его попросту звали, при наступлении на буржуазную гостиницу Метрополь, а Лисинова пала от шальной пули, помогая раненым на самом опасном участке, на улице Остоженке.

Самой мощной демонстрацией московских рабочих за время революции были пожалуй похороны жертв октябрьского восстания. Сотни тысяч людей (без предварительной подготовки), с тысячами венков бурным потоком лились на Красную площадь, которая вся покрылась многотысячной толпой. Кремлевская стена была покрыта черными и красными знаменами, славившими погибших за пролетарскую победу. А под стеной во всю площадь была вырыта громадная братская могила. И когда со всех сторон площади стали вносить открытые гроба погибших красногвардейцев, вся толпа вздрогнула, как один человек. Когда же тысячи голосов запели наш старый славный похоронный марш, провожавший в могилу революционных героев, и красные знамена склонились перед теми, кто под ними умирал,—каждый из сотен тысяч чувствовал величие пролетарского восстания, каждый гордился отважными силами. И среди сотен красногвардейцев, похороненных под Кремлевской стеной, был не один десяток наших молодых друзей.

Но Ходика хоронили отдельно, на кладбище. Не то потому, что поздно нашли его труп, не то потому, что так хотела его религиозная мать. В дождливый день перед штабом Красной Гвардии собралось человек триста членов Союза Молодежи с несколькими венками. Нас сопровождал почетный караул кронштадтских матросов и красногвардейцев. Мы взяли тело Ходика где-то на окраине города и вместе с его матерью и родственниками пришли на кладбище, где голодные вороны каркали на оголенных осенью деревьях. Среди тысяч крестов мы поставили гроб восемнадцатилетнего металлиста над свеже вырытой могилой. Мы говорили надгробные речи, чувствуя, что они не нужны. Но вот на насыпь взошел кронштадтский матрос с винтовкой на плечах, загорелый, мощный боец Балтийского моря, и рассказал нам, молодым, и старой матери Ходика, как и почему умирают рабочие за революцию. И когда он произнес последнюю клятву верности делу, за которое погиб Ходик, ружейный салют из сотен винтовок возвестил в Москве, что умер не просто человек, а человек нового мира, предвестник великого счастья на земле.

Так готовились к бою, воевали и умирали юные пролетарии Москвы в великие дни октября. А затем началась великая эра гражданской войны в защиту Советской власти. Перед рабочей молодежью открылись новые грандиозные возможности проявления революционного энтузиазма. И те, что уцелели в октябрьскую неделю, беззаветно дрались на полях Украйны и Дона, на немецком фронте и против бесчисленных белогвардейских генералов. Красная Гвардия сменилась Красной Армией; уличные баррикады—фронтами; небольшие отряды—дивизиями и корпусами. Но дух октябрьской недели жил и живет в рядах Красной Армии и пролетариата. Его, как священный огонь, поддерживает рабочая молодежь, получившая в октябре 1917 г. первое боевое крещение и с тех пор непрерывно стоявшая на страже революции. Слава бойцам октября. Вечная память погибшим. Победа живущим.

Лазарь Шацкин.

Москва, 15-го октября 1921 г.

ЧТО ЗНАЛИ МЫ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Можно было бы думать, что в такой отдаленной местности многое остается неизвестным. Но телеграф, связывающий британское государство, необычайно сближает колониальный мир с центром. Британские владения, посредством заботливой капиталистической печати, находятся в непосредственном соприкосновении с метрополией, и первая страница южно-африканской газеты всегда монополизирована для английских новостей. Каждый англичанин в Южной Африке поутру, как только встанет, непременно прочитывает эту страницу газеты, чтобы знать, какие события произошли за день до этого в столице британского государства. Такая, превосходно устроенная телеграфная служба, ставит рабочий класс в известность, что в британском государстве все в порядке.

Мы, в Южной Африке, уже заметили, что, во времена серьезных кризисов, капиталистический телеграф доставляет нам удовлетворительные сведения, чтобы мы могли узнать правду. Мировой капиталистический класс привык в такие времена, подобные теперешнему времени, сообразоваться с обстоятельствами и так направлять свои дела, как того требует образовавшееся положение. Иногда, впрочем, получаются телеграммы, имеющие целью подействовать на рабочий класс. Так было и во время Октябрьской революции.

Когда большевики в 1917 году избивались на улицах Петрограда и началось новое наступление против немцев, Ленин должен был скрыться, а Троцкий очутился в заключении, то южно-африканский пролетарский класс понял, что мартовская революция попала в руки наемников Антанты. Мучительно было читать сообщения капиталистических газет о том, что красные солдаты, носившие красные цвета, избивались царскими агентами правительства Керенского. Даже в далекой Южной Африке капиталистический класс сделался смелее, когда казалось, в черные июльские дни, что реакция взяла верх. О деле Корнилова было своевременно сообщено газетами. Передан был также и телеграфный разговор Керенского с Корниловым. Сообщалось и то, что типографщики отказывались печатать корниловские декреты, а петроградские рабочие встречали казаков, держа винтовку в одной руке, а другой братски их обнимая. Все это произвело

КАРТИНЫ ДАЛЕКОЙ ОКРАИНЫ.
На смотру красной армии в Баку.

громадное впечатление на рабочих Южной Африки. Капиталистическая печать отлично знала, за кого ей надо было бы выступить, но в замешательстве и отчаянии не скрывала правды. Однако капиталистическая печать все же старалась так осветить свои сообщения, доставлявшие радость пролетарскому классу, чтобы революционеры казались отвратительными. В те дни капиталистические газеты предупреждали нас, что большевики (или максималисты,—как их называли в телеграммах) готовятся низвергнуть правительство Керенского. Они говорили об этом, как о совершенно неизбежной вещи.

Бывали такие времена, когда капиталистическая печать, придя в полное замешательство, сообщала правду. Так это было и тогда, когда в один прекрасный день вечерняя газета сообщила, что вспыхнула большевистская революция и вооруженные солдаты и рабочие сформировали Красную Гвардию, а также, что железная дорога, почта и общественные здания были заняты ими. Тогда каждый мыслящий рабочий понял, что рабочий класс одержал крупную победу. Никакая ложь и никакая клевета на революцию уже не могла поколебать нашей уверенности. Советы солдат и рабочих были на языке у всех. «Советы рабочих», по мнению наших Иоганнесбургских горнорабочих, представляли в России правительство. Ведь у них самих существовали же собственные стачечные комитеты! Даже во время режима Керенского ежедневно получались телеграфные сообщения, касающиеся Совета рабочих. И разве это не был в сущности только большой стачечный комитет? По крайней мере таким он представлялся рабочим Иоганнесбурга. На таком расстоянии мы не могли замечать саботажа социалпатриотов и стараний Чхеидзе с его сообщниками поработить Совет. И хотя многие рабочие были самыми ярыми унионистами, тем не менее они все же были удивлены, когда рушилось коалиционное правительство и полный контроль власти оказался в руках Советов.

Во время правления Керенского английская печать называла Советы собраниями рабочих и солдат. Русское слово «Совет» явилось позднее. Возникла ужасающая кампания лжи. Слова: «Классовая справедливость или несправедливость»—это самые употребительные выражения среди британских рабочих. И в сознании рабочих, как Англии, так и Южной Африки, прочно укрепилась мысль, что наконец-то возникло правительство рабочего класса. Величайшая же и отвратительнейшая кампания лжи, какую когда-либо затевали капиталисты, тут совершенно не достигала цели.

Слова «Советы рабочих» заменились вообще названием «Совет». Оно уже настолько укрепилось, что не могло быть искажено. Вскоре после Октябрьской революции, в Иоганнесбурге, самом большом городе Южной Африки, возникла стачка на городских железных дорогах. Власти не хотели принимать никаких условий. Рабочие, которым Октябрьская революция вдохнула новое мужество и стремление к борьбе, овладели электрическими мастерскими и предоставили публике пользоваться городскими железными дорогами, переставшими давать доход. Власти же были рады выполнить все условия, поставленные им рабочими, и в Иоганнесбурге эти действия рабочих стали известны под именем «Совета». Русское слово «Совет» вошло в обиход английского языка. Для революционного рабочего движения оно означает теперь контроль промышленности и контроль рабочих над правительством, в пользу рабочего класса. И значение Октябрьской революции было так велико, что рабочие массы уже никогда не вернутся к тому положению, которое существовало до октября 1917 г.

Не одни только белые рабочие, но даже нецивилизованные негры рабочие пробудились от своей спячки, благодаря Октябрьской революции. Прошло не много месяцев—и трансваальские негры уже осмелились возвысить свой голос, на что они бы никогда не решились раньше. Они устраивали массовые собрания и протестовали против паспортной системы, посредством которой класс собственников мог их контролировать. Они сложили громадный костер и предали сожжению ненавистные паспорта, за что многие из них подверглись тюремному заключению. Произошли восстания рабочих негров, чего никогда не бывало раньше. И с этого времени, несмотря на то, что паспортная система еще продолжает существовать, стали уже основываться рабочие союзы, и число их возрастало с каждым днем. Октябрьская революция уничтожила старинные предубеждения, и негры двигаются вперед вместе с эмансипацией рабочего класса. Какой могучий толчек был дан русским пролетариатом в Октябрьские дни 1917 года! Эхо революции до сих пор продолжает звучать. Но приготовляется новый великий удар, который доставит радость русскому пролетариату, и это будет мировая пролетарская революция.

Да здравствует русский пролетариат, победоносный авангард армии освободителей рабочего класса!

Ивоне Джонс.
(Южная Африка.)

3 октября 1921 г.
Москва.

ЧЕШСКИЕ ДРУЖИНЫ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

В то время, когда русские рабочие, крестьяне и солдаты торжествовали победу над своими угнетателями, когда Петербург и Москва оглашались звуками революционных гимнов и создавалось, рабочими и крестьянами, Советское Правительство,—в Средней Европе, в странах, находившихся под игом германских Гогенцоллернов и австро-венгерских Габсбургов, царило относительное спокойствие. Конечно, народ в городах и селениях внимательно прислушивался к гремевшим на востоке раскатам революции. Конечно, он черпал в них надежду на поддержку. Но массы были еще в опьяняющем угаре побед, о которых правящие круги Германии и Австро-Венгрии трезвонили при помощи своих рептильных агентств. Там же, где народ уже освободился от иллюзий на победу империализма, там его держали в рамках «законности и порядка» при помощи отрядов других национальностей, разжигая в массах национальную вражду. Чешские гарнизоны охраняли эти «право и порядок» в Австрии, Штирии и Тироле, тогда как гарнизоны, сформированные из молодых немецких и венгерских крестьян, поддерживали «порядок» в чешских землях.

В это именно время чешские вожди анти-габсбургского движения набрали за границей, в странах Антанты, «национально-революционное» войско из чешских военнопленных. Под лозунгами избавления народа от ига Габсбургов и освобождения его из рук крупных помещиков-дворян, десятки тысяч людей небольшой чешской национальности, сыновья рабочих и крестьян, вновь пошли в бой, снова отправились на фронт. Так оно было в царской России, так оно было во Франции, а позднее и в Италии.

Но целью этих чешских и словацких пролетариев, сражавшихся на стороне империализма Антанты против империализма центральных держав, было не только национальное освобождение из-под иноплеменного ига. Они хотели создать самостоятельное, социально-справедливое государство, без преобладания в нем богатых и сильных и без привилегий для дворянства. В их глазах только Вена, только Габсбурги, только засилие иноязычных элементов являлись для них препятствием к пользованию правом самоопределения—не только национальным, но и социально-экономическим.

Все эти чешские пролетарии, которые шли, таким образом, в бой за такое именно представление о самоопределении, забывали при этом одно весьма существенное обстоятельство,—забывали, что *кроме* Габсбургов, *кроме* Вены и *кроме* немецкой и венгерской бюрократии был еще кто-то, крайне заинтересованный в том, чтобы то самоопределение, о котором они мечтали, не осуществилось. Они забывали, что этот «кто-то» *буржуазия и капитал* своей же нации. Этого не поняли рабочие и крестьяне, составлявшие чешские дружины, как не поняли этого и сотни тысяч рабочих и крестьян там, на родине.

И вот, благодаря этому, случилось так, что русская часть чехо-словацких дружин, идейные стремления которых, в сущности, весьма близко соприкасались с теми, что привели в революционное движение и толкнули на восстание миллионы русских людей, вступила, сама того ясно не сознавая, в трагический конфликт с русской социальной революцией. Буржуазные начальники дружин употребили во зло сумятицу в умах дружинников и отдали их в распоряжение капиталистической реакции Запада, двинувшейся навстречу красным волнам революционного прибоя. Таким образом случилось, что чешский пролетариат, «национально-революционные» чувства которого первоначально носили в значительной мере социальный и социалистический отпечаток, был использован, в качестве оружия, дипломатами контр-революционного империализма Антанты. Начальники дружин провозгласили лозунг: «Российские Советы находятся в руках большевиков, состоявших на содержании у Вильгельма. Они не хотят пропустить нас во Францию, чтобы мы не могли воевать против Германии». Бесхитростные дружинники не стали проверять, сколько лжи заключалось в этом лозунге. Они не уяснили себе, что русские Советы еще только приступали к своей организации,—ведь, тогда еще не существовало и Красной Армии,—и что они ни в коем случае не могли желать конфликта с чешскими дружинами. И вот, таким образом, был нанесен тот контр-революционный удар, произошло то первое военное вмешательство, против которого Советы должны были обороняться и которое закончилось удушением рабоче-крестьянских Советов в Сибири

и созданием правительства Колчака, чьи кровавые зверства вспоминает население Сибири еще поныне не иначе как с проклятиями.

Лишь позднее, когда дружинники увидели результаты своего выступления, приведшие к режиму Колчака, и когда их заставили при помощи военной муштры нести дальнейшую полицейскую и административную службу вместо того, чтобы отправить их во Францию, в голове у них прояснилось. Они почувствовали себя обманутыми, свою идею запятнанной, и стали бунтовать. Чем дольше переживали они последствия своего шага в Сибири, тем нагляднее убеждались они в том, как злоупотребляли ими, и тем чаще восставали они против начальства, состоявшего из буржуазных сынков своей же нации. Но бунтарей сажали в тюрьмы их же собственные, сбитые с пути братья, еще не осознавшие своего положения и продолжавшие служить орудием в руках дипломатов Антанты и русской колчаковщины. Прочтите хотя бы горькие песни дружинника поэта Петра Бесправого, и вы увидите всю глубину разочарования и горечь пробуждения, которые выпали на долю пролетарской части дружин, понявшей свою историческую вину. И по этой именно причине, впоследствии, те же самые дружинники, которые в 1918 г. сражались против Советов, встали в 1919 и 1920 г.г. на идейную почву русской Октябрьской революции. И в 1920 г. последний эшелон этих прозревших людей прибыл из Сибири на родину, под красным знаменем и с кликами: «Да здравствует русская революция! Да здравствует III Интернационал!» Таким образом, он стал на сторону большинства чешского пролетариата, который получил, тем временем, суровый наглядный урок о пустословии «национально-революционных» лозунгов, выставленных буржуазией, проникался все более и более духом русской Октябрьской революции и вступил под знамя Коминтерна.

Каковы же были, в сущности, исторические последствия конфликта между дружинами и русскими Советами? Рассуждая объективно, следует поставить чехо-словацкие дружины на первом месте в ряду тех регулярных войск, которые, в интересах западно-европейского капитала, старались сломить извне власть русских рабоче-крестьянских Советов и которые, в период расцвета царской реакции, вызывали в России в продолжение целых трех лет длительное состояние войны с его разрушительными последствиями. Вследствие этого чехо-словацкие дружины несут на себе и долг ответственности за пагубную хозяйственную разруху в России и за лишения и страдания миллионов людей, которые так страшно терпели от военных действий и блокады. Эту историческую вину не может умалить то обстоятельство, что большинство дружинников было втянуто в эту авантюру не сознательно и помимо их желания. Но с другой стороны, конфликт этот имел последствием, что русские рабочие и крестьяне вынуждены были обратить внимание на серьезную опасность военного вмешательства и создать свою Красную Армию, которая доблестно защищала затем, в продолжение целых трех лет, советскую республику от бесчисленных нападений.

Ныне Советская Россия подходит к четвертой годовщине своего существования. Она стоит прочно и твердо, опираясь на непоколебимую волю и доверие большей части населения, которое, несмотря на все лишения и на стихийную голодную катастрофу, несмотря на плохо скрываемую к ней вражду европейских правительств, полно решимости снова и снова защищать свои Советы. Трудящиеся массы всех других стран вполне убедились ныне, как близорука, нет, как преступна всякая политика вмешательства западно-европейского капитализма. В особенности в Чехо-Словакии народ все более и более проникается сознанием своего долга перед русскими трудящимися массами. Свидетельством тому служит его участие в оказании помощи голодающим в России. Таким образом он вступил на путь полного искупления своей исторической вины, порожденной военным конфликтом чехо-словацких дружин.

Прада Ванек.

КАРТИНЫ ДАЛЕКОЙ ОКРАИНЫ.

БУХАРА: 1) РАСКЛЕИВАЮТ ЛОЗУНГИ. 2) БУХАРСКАЯ МОЛОДЕЖЬ С АГИТАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ И ЛОЗУНГАМИ. 3) РАСПИСЫВАЮТ ПЕРВОЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ. 4) РАБОТНИКИ СЪЕЗДА ПИШУТ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЛОЗУНГИ.

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОГЕМИИ.

Влияние русской Октябрьской революции на политическую жизнь в Чехо-Словакии почти неотделимо от тех последствий, которые имела для этой страны еще Мартовская революция 1917 г. Чешская буржуазия и находившиеся под ее воздействием широкие круги населения смотрели на все события того времени почти исключительно с точки зрения национального освобождения. Рабочий класс ощущал тогда лишь непосредственный гнет военной диктатуры Габсбургской монархии и, еще не убедившись на опыте, каким бывает собственное буржуазное правительство, невольно разделял те же стремления к национальной самостоятельности, как и сама буржуазия. Несмотря на это, уже при обсуждении мартовских событий, в чешских политических кругах стали намечаться известные разногласия, которые впоследствии, при обсуждении Октябрьской революции, обозначились еще более резко.

Чешская буржуазия встретила мартовские события с удивлением и даже холодно. Ведь, она верила, до последнего дня, в конечную победу России в ряду остальных государств Антанты и видела во внезапно вспыхнувшей революции новое обстоятельство, влияние которого на дальнейший ход военных событий и на связанные с последними планы и проекты могло оказаться бесконечно глубоким. Ведь, известно, что в кругах чешских эмигрантов серьезно обсуждалась возможность избрания представителем будущего чешского государства кого-либо из династии Романовых.

Только самая передовая часть чешских рабочих приветствовала падение царизма, как событие, которое вносило разложение в бесконечно затянувшуюся мировую войну и могло послужить примером и для других стран. Но и для них крушение русского самодержавия казалось уже само по себе столь огромным фактом, что они даже не считались с возможностью дальнейшего углубления революции в России.

При таком настроении умов, когда они оказались не в состоянии представить себе с достаточной ясностью положение дел в России, а в особенности ее классовые условия, были получены сведения об Октябрьской революции. Узнав о деятельности большевиков, чешская буржуазия пришла в дикую ярость и негодование. Она стала утверждать, что большевики состояли на жалованьи у Вильгельма, раз они разложили, посредством своего лозунга о мире, вновь созданный с таким трудом Керенским и К-о боевой фронт, сделав это единственно с той целью, чтобы выдать Россию германскому милитаризму. Затем явился новый факт: большевики сами взяли власть в свои руки и разогнали учредилку.

Рабочие массы не уясняли себе значения этих событий. С одной стороны, они видели, что пролетариат величайшей европейской державы завоевал политическую власть, а с другой, что сами они находились под игом военной диктатуры Габсбургско-Гогенцоллернского самодержавия, которое необходимо было сломить, чтобы сделать первый шаг на пути от мировой войны к революции. Однако, ни массы, ни их вожди не могли себе представить, что ожидавшееся революционное движение должно было свестись в едином замысле, к окончательной победе рабочего класса. Несмотря на это, уже тогда обнаружилось, что отдельные вожди социалдемократии оценивали события с разных точек зрения. Одни стали решительно ориентироваться на Антанту, выдвинув лозунг—«Война до победного конца», а другие старались занять объективную по отношению к Октябрьской революции позицию и оценить ее значение независимо от взглядов чисто национальных.

Гораздо определеннее сказалось влияние Октябрьской революции среди солдатских масс на фронте. Оживленные сношения с очевидцами и свидетелями русской революции, контакт с военнопленными и с русским населением—действовали в качестве пропаганды в пользу диктатуры Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и это настроение проникло мало-по-малу и вглубь страны.

Самосознание рабочего класса возросло, что подтверждалось не только многочисленными забастовками, но в особенности, и способами, которыми выражалось тогдашнее движение. Импозантная революционная манифестация всех социалистических партий в Богемии и Моравии, состоявшаяся 14 октября 1918 г., обнаружила, наряду с национальной окраской, и все признаки сильного влияния русской пролетарской революции, а распадение австрийского фронта в Италии (с 24 по 28 октября 1918 г.) было прямым последствием известия, что 14 октября в Богемии была провозглашена социалистическая республика.

Но стремления, вытекающие из русской Октябрьской революции, не могли быть, к сожалению, исполь-

зованы в чехо-словацком рабочем движении раньше чем оно не прошло школу разочарований и горького опыта. Идея национального освобождения, выражавшаяся в государственной самостоятельности, овладела широкими массами пролетариата настолько, что она привела их, в момент революционного переворота, к созданию единого, вместе с буржуазией, фронта. Только позднее, когда эта идея нашла себе воплощение в реальной форме буржуазной республики; лишь после того, как пролетариям стало ясно, что справедливая земельная рефома, социализация и раскрепощение труда никогда не будут осуществлены при этом строе, и лишь после того, как трудящиеся, путем горького опыта, познали истинную сущность буржуазной демократии,—только тогда значение русской Октябрьской революции обрисовалось перед взором чехословацкого пролетариата во всей ясности и убедительной силе. И с этого момента перед чехо-словацким пролетариатом стоит задача неутомимой классовой борьбы против буржуазии «собственного» государства, борьбы, которая будет длиться до тех пор, пока она не закончится полной победой, завоеванием политической власти и устранением диктатуры буржуазии, т.-е. совершенно так, как это случилось в России благодаря Октябрьской революции.

Скалак (Прага).

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА В БАКУ.
НА ТРИБУНЕ ГОВОРИТ Т. ЗИНОВЬЕВ. РЯДОМ Т. РАДЕК.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТАРАЯ АВСТРИЯ.

Когда наступление Брусилова грубо разбудило от сна замечтавшихся социал-пацифистов и прочих апологетов войны и трубадуров казенной печати, бессовестно обманутых устроенной империалистами бойней,—тогда и в широких кругах австрийских рабочих стала исчезать вера в буржуазную демократию. А между тем до того времени многие видели в Чхеидзе и Керенском знаменоносцев пролетарского миролюбия.

Вожди австрийской социал-демократии взирали с полнейшим непониманием на развертывавшиеся в России события. Программа Ленина, программа левого крыла Циммервальда — были представлены только небольшой группой стойких революционеров и, вследствие невозможности действовать легально, могли рассчитывать лишь на сравнительно небольшой круг последователей.

С тупой покорностью австрийские рабочие несли свое тяжкое ярмо. Находясь под двойным прессом закона «о верховном главнокомандовании» и социал-патриотических саботажников, массы молча переносили страшную нужду, навлеченную на них империалистической войной. Только маленькая группа активных борцов старалась увлечь за собой народ. Однако, ни майскому восстанию металлистов в 1917 г., ни демонстрациям голодных жен рабочих осенью 1916 г. не удалось вызвать длительного и действенного настроения против империалистической войны и за пролетарскую революцию.

Только после закончившегося неудачей июльского движения в Петербурге—многие рабочие впервые услышали о программе большевиков. Вокруг инициативной группы крайней левой собралась, было, несколько более многочисленная оппозиция из числа социалистической трудящейся молодежи, но рабочие тяжелой промышленности, хорошо оплачиваемые и освобожденные от военной службы, не примкнули к нашему движению.

Но вот неожиданно пришло известие об Октябрьской революции.

Однажды вечером мы узнали, что правительство Керенского арестовано, и что Совет Рабочих Депутатов захватил власть. Нам был показан блестящий пример. Как в Вене, так и в Винер-Нейштадте был немедленно образован нелегальный комитет рабочих-металлистов. На автомобильных заводах, в военной промышленности, в арсенале и в предприятиях, занятых изготовлением снарядов,—всюду наше движение стало быстро крепнуть... «Мир во что бы то ни стало,—вся власть Советам!» Как магическое заклинание, этот лозунг воспламенил сердца самых широких масс. «Говорите языком России!»—грозно неслось навстречу вождям социал-патриотов, когда они осмеливались призывать рабочих к «стойкости». Терницкие металлисты первыми устроили демонстрацию в пользу большевистских лозунгов и заставили социал-патриотов последовать за знаменем Циммервальда. Впрочем, и среди не-немецких рабочих идеи большевизма стали приобретать популярность. Правда, часть чешских трудящихся масс находилась под влиянием буржуазной идеологии и, вследствие этого, хоть и относилась враждебно к Габсбургам и к войне, все же в силу национальных побуждений, была настроена против большевиков.

Однако, очень скоро и более широкие массы стали пробуждаться, как только увидели, что и немецкие рабочие Австрии стараются скинуть надетое на них ярмо и вступить в борьбу с общим врагом—с австрийским империализмом. Но когда образованный крайними левыми комитет действия пытался, путем воззвания, составленного на сербском языке и обращенного к боснийским кметам и их сыновьям, призвать к нейтралитету южно-славянских солдат, находившихся в военно-промышленных округах,—тогда мы еще не были уверены в успехе. И только в январе 1918 г., когда императорские офицеры пытались натравить своих босняков против бастующих рабочих, по рядам даже самых надежных полков пронеслось, подобно глухому рокоту, энергичное требование: «Мы хотим мира! Отдайте землю крестьянам! Мы не будем сражаться с рабочими!»

Далеко за пределы сознательной части рабочих распространились и крепли симпатии к большевизму. Когда, в конце декабря 1917 г., революционные марксисты и синдикалисты объединились, на почве принципов левого крыла Циммервальда, в нелегальный Совет Рабочих Депутатов, то этот шаг был не чем иным, как результатом великих уроков Октябрьской революции. Австрийский рабочий класс стал пробуждаться от сна. Пример пролетариата России увлек за собой даже самые неустойчивые и непривычные к борьбе слои трудящихся. Когда, например, в январе 1921 г. австрийские рабочие восстали, чтобы помочь находившейся в опасности России, причем только предательство социал-патриотов помешало успеху этого выступления, то именно неорганизованные пролетарские женщины увлекли своих мужей с фабрик и заводов, именно они призывали их нарушить военную дисциплину и забастовать во имя большевистских лозунгов.

Таким образом, Октябрьская революция послужила основой для возникновения массового коммунистического движения в нашей стране. Идея Советов,

КАРТИНЫ ДАЛЕКОЙ ОКРАИНЫ.

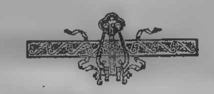
БУХАРА: 1, 2 и 3) РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МИТИНГ. 4) ОБЩИЙ ВИД ЗДАНИЯ СОВЕТОВ, ГДЕ ПРОИСХОДИЛ БУХАРСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

осуществленная и окрепшая среди бурь революции, стала укореняться и в Австрии. Хотя наши первые рабочие советы отнюдь не носили характера сознательных революционных советов, прочное начало все же было положено. Когда, под впечатлением Октябрьской революции, возникли первые революционные объединения цехового характера и сравнительно крупные «группы действия», то это означало полный разрыв с реформистским прошлым, длившимся целые десятилетия.

Это случилось вскоре после Октябрьской революции. На какой-то массовке в Вене один из вождей реформистов пытался оправдать неустойчивую политику своей партии и призывал рабочих ждать «в полной боевой готовности» лозунгов своих руководителей и уполномоченных и не поддерживать необдуманных выступлений разных революционных «смутьянов». И вот, в этот момент, на стол вскочил какой-то пожилой рабочий и бросил прямо в лицо императорским социалистам свой боевой лозунг: «Вперед с большевиками! Вперед со всемирной революцией!»

Франц Коритшонер.

(Вена).

ЧЕТЫРЕ АЛЫХ ПАРУСА.

17—18.

Глухо-рокочущие дали
Таили молнии во мгле.
Мы первый парус подымали
На нашем вольном корабле.
Вскипали волны неустанно,
Кренчал враждебный ураган,
Пытаясь алый плащ титана
Сорвать и кинуть в океан.
Соленых брызгов колкий гарус
Кровавил лица моряков,
Но, вот, надулся первый парус—
Мы отплыли от берегов.

18—19.

Все выше волн ревущих горы,
Пронзительнее бури вой;
Ставь, исполины-военморы,
На помощь первому второй!
Вперед—на встречу волн тараном,
Слабеет шквал, не вечна мгла,—
И мчат корабль к брегам желанным
Два ало-пламенных крыла...

19—20.

В последний раз медведи-волны,
Вспененные, разинув рты,
Косматят шерсть, безумья полны,—
Рычат и лезут на борты.
На помощь первым двум гигантам,
Изорванное бурей вкось,
Над броненосным элефантом
Ветрило новое взвилось.
Напрасно зверь кровавой пеной
Пятнит победный борт, скуля—
Быстрее молнии мгновенной
Лет смольнинского корабля.

20—21.

Все глаже бурных волн равнина,
Слабей громы, яснее высь—
Четыре брата-исполина
В повозку красную впряглись.
Быстрее лет под кровом ночи,
Окреп в борении народ;
Путь испытаний все короче,
Все ближе цель... Вперед! Вперед!

Василий Князев.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПОДПОЛЬНОЙ ГЕРМАНИИ.

В ноябре 1916 г. состоялась первая, сравнительно многолюдная, конференция оппозиционных социалистов, на которой присутствовали представители всей страны. На этой конференции было решено созвать, в январе 1917 г., другую конференцию (в Берлине), с целью подробного обсуждения задач оппозиционной части социал-демократии и создания организационной основы для систематической работы в духе циммервальдских постановлений.

Январская конференция не привела, однако, ни к выяснению политического положения, ни к органическому объединению. Члены Союза Спартаковцев и сторонники направления, представляемого бременской газетой «Арбейтерполитик», оказались на одной стороне, а приверженцы «группы объединенных социал-демократов» — на другой. Резко обозначилось расхождение между левым и правым крылом Циммервальда.

АНУРЭ МАРТИ.

Рабочий-механик, осужд. французским судом к 20 годам каторги за принадлежн. к коммунистической партии.

Социал-демократическая партия, руководимая Шейдеманом, воспользовалась этими конференциями оппозиции, равно как и усилившейся деятельностью революционных социалистов, и повела ожесточенную кампанию против этих «предателей своего отечества, которых следовало бы вышвырнуть из партии». И, действительно, многие видные товарищи были исключены из социал-демократической партии.

Зима 1916—17 г. была необычайно тяжела для неимущего населения, которому пришлось питаться преимущественно брюквой. Это повлекло за собою, так называемую, голодную водянку, от которой в течение зимы умерло около 800.000 человек. Революционные социалисты полагали, что недовольство, вызванное среди населения страшным продовольственным кризисом и неудачным наступлением на Верден, значительно усилит весной 1917 г. чувство отвращения к военной политике. Ко всему этому прибавилась, в качестве нового мотива, мартовская революция в России, пробудившая также значительные симпатии к германскому революционному движению.

Под знаком этих событий, 6 и 7 апреля состоялся Готский партейтаг, на котором была основана независимая социал-демократическая партия. Однако, у товарищей, объединившихся в независимую социал-демократическую партию, не было единообразного взгляда ни на сущность войны, ни на задачи революционного социализма. Во время прений, которые велись на съезде, сказалась внутренняя слабость партии. С одной стороны, у присутствовавших не хватило мужества создать новую программу и тем самым признать неудовлетворительность Эрфуртской программы, дававшей широкий простор всевозможным толкованиям, а с другой—у них не было желания выдвинуть боевую программу, которая содержала бы вполне конкретные тактические цели.

Карл Каутский, Гуго Гаазе, Курт Эйснер, равно как и большинство депутатов, принадлежавших к «трудовому объединению», тосковали и жаловались, что дурная политика большевиков повредит делу мира и социализму. Они придерживались убеждения, что русские рабочие должны, под руководством Керенского, продолжать войну, чтобы германский император и германские империалисты потерпели поражение. Это, по их мнению, привело бы к освобождению рабочих и к усилению демократии и социализма, между тем как направленная в сторону мира политика большевиков являлась, по их словам, чистейшим предательством по отношению к пролетарской революции. Но сами они проявить какую-либо революционную деятельность, однако, не пожелали.

Предполагавшееся в июне уменьшение хлебного пайка должно было послужить тем моментом, когда можно будет заинтересовать и германский пролетариат общею борьбою за мир.

Оскар Кон был совершенно расстроен; ему казалось, что русская революция и тактика большевиков не поднимут настроения германских рабочих, и поэтому он смотрел на будущее весьма пессимистически.

Вскоре после Готского съезда выяснилось, что если не считать глупой болтовни господ Каутских и Гаазе о вреде, причиняемом большевистской агитацией, то «группа объединенных социал-демократов» не приняла никаких мер к пробуждению в новой партии революционного пролетарского духа. Напротив, была даже сделана попытка воздействовать, в порядке партийной дисциплины, на членов Союза Спартаковцев (Союз Спартаковцев, в виде вольной организации, продолжал существовать и в недрах независимой

социал-демократической партии) в том смысле, чтобы они не делали никаких «глупостей», которые могли бы повредить всей организации. Большая часть нелегальной работы продолжала, как и прежде, выпадать на долю членов Союза Спартаковцев. Спартаковцы же воспользовались новой организацией, чтобы в ней, а порою и через нее, вести революционную агитацию.

Летом 1917 г. в Германии усилились правительственные репрессии против революционных борцов. Надзор за всеми подозрительными элементами был удвоен. Власти старались всячески затруднить письменные сношения революционеров. Все известные вожди—поскольку они не были изобличены в революционной пропаганде и, следовательно, уже заключены в исправительные дома—были посажены в тюрьму административным порядком или лишены права произносить публичные речи. В то же время неослабный надзор полиции и военных властей за типографиями затруднял печатание нелегальной литературы. Все возникавшие забастовки подавлялись в самом зародыше, а руководители или организаторы их немедленно отправлялись в окопы. Но, несмотря на все это, революционная пропаганда среди рабочих и в войсках все росла и росла.

Тогда социал-демократия и вожди профсоюзов еще раз усмотрели свою задачу в том, чтобы, в качестве добровольцев, спасти империалистическую Германию от революционного движения. Социал-демократические газеты и органы профсоюзов наполнились открытыми доносами, которые усугублялись письмами руководителей профсоюзов, изобличавшими оппозиционных социалистов и адресованными непосредственно военным властям. Таким образом к началу зимы создалось отчаянное настроение, принявшее у революционеров еще более мрачный оттенок вследствие неудачи июльского восстания в Петербурге.

8 ноября, под вечер, за несколько минут до закрытия фабрик и заводов, в Германии было получено известие, что в Петербурге большевики, во главе с Лениным и Троцким, захватили политическую власть, что во всех городах России идут горячие бои, причем всюду побеждают большевистски настроенные рабочие, и что правительство обратилось в бегство.

Несмотря на то, что это сообщение было подтверждено лондонским и парижским телеграфными агентствами, все же лишь очень немногие рабочие поверили в это огромной важности событие. Одни полагали, что это новый обман, инсценированный Гинденбурговской кликой; другие думали, что все это—в лучшем случае—составит лишь краткий и весьма быстро преходящий эпизод. Только с уст подлинно революционных рабочих сорвался крик глубочайшего восторга. Дремавшие в них могучие силы снова ожили. С новой энергией приступили они к работе во имя достижения той же цели.

Зато в груди таких независимых, как Каутский, распространилось чувство глубочайшего неудовольствия. Они были убеждены, что большевики все испортили, что германский император теперь, конечно, победит, и что всемирная реакция под руководством германских империалистов задушит рабочее движение. Им было необходимо как-нибудь успокоить свои измученные души.

В то же время среди приверженцев германской социал-демократической партии господствовало умонастроение Эрнеста Гейльмана: «Совместно с Гинденбургом, да покрепче, нажать на Россию, чтобы Германия заполучила хороший мир».

Когда, несколько недель спустя, восстание Корнилова поколебало молодую социалистическую республику, то Каутский и Эйснер, который в эти дни превратился в яростного врага большевиков, нашли, что все их опасения оправдались. Когда же порожденная Октябрьской революцией власть рабочих одержала победу, то быстро усилились революционное сознание и революционная воля рабочих.

Январское восстание 1918 г. в Австрии и одновременная грандиозная забастовка в Германии были теми огненными вехами, зажженными впервые на Западе кроваво-красным русским пожаром. Целых восемь дней волна забастовок катилась по стране. Целых восемь дней сотни тысяч рабочих лелеяли надежду, что эта стачка раз-навсегда покончит с войной и ненавистным режимом. Но господствующему классу удалось, при помощи шайки подлых партийных и профсоюзных заправил, подавить движение. Генерал Грёнер заклеймил бастующих рабочих кличкой прохвостов, а профсоюзные бюрократы назвали их безмозглым стадом, позволяющим безответственным инородческим элементам злоупотреблять собой с целью предательства. Был введен в действие военно-полевой суд, и член рейхстага, Вильгельм Дитман, занимающий должность секретаря независимой социал-демократической партии, отрекся перед этим трибуналом от революционного волеизъявления рабочих, чтобы спасти себя от исправительного дома. Бастующие были призваны на военную службу и отправлены в окопы, где они, в качестве живой бродильной силы революции, продолжали возбуждать в армии стремление к преодолению того духа слепого послушания, который превратил пролетариат в безвольное орудие буржуазии. Героизм русского пролетариата действовал зажигающе. Таким образом, Октябрьская революция стала той силой, которая помогла подпольной Германии подготовить великий сокрушительный взрыв.

Геккерт.

2р. 50к

15 Госуд. тип. Р.В.Ц.

